

П Е Т Е Р   В И П П
**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

ПЕТЕР ВИПП

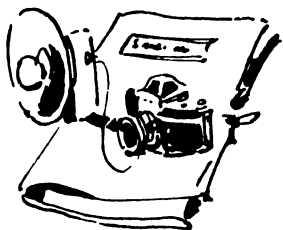
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

честь . отвага . мужество

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1965

И (Нем.)
В51

Сокращенный перевод с немецкого
А. ПОЛЕЩУКА

НА ПОЛОСЕ

Шукк тяжело забрался в развилку уродливо изогнутой сосны и устроился там поудобнее. Хансен слышал, как он по-домашнему уютно откашлялся, прежде чем достать из кармана куртки ночной бинокль и поднести его к глазам. Несколько дней подряд шли дожди, почва насквозь пропиталась влагой, и пахло вокруг прелью и можжевельником. Легкий ветерок проносился над лесом, стряхивая с кустов и деревьев мелкие капли. Как всегда, Хансену показались непереносимо долгими эти минуты ожидания. Наконец Шукк чуть приподнял руку.

— На полосе... — прошипел он сквозь зубы.

В ночной тишине были отчетливо слышны шаги

пограничников, там, по другую сторону полосы. Пограничники говорили о чем-то. Подошли ближе. Теперь можно было расслышать отдельные слова, что-то про недавний футбольный матч... Но вот они прошли, не слышно ни слов, ни шума шагов. Еще несколько минут ожидания. Шукк снова поднял правую руку, и Хансен бесшумно двинулся вперед. Он ловко пробирался сквозь кустарник, старательно избегая прикосновения к мокрым сучьям. Еще несколько шагов, и Хансен вышел на опушку. Справа тянулася колючая проволока, за ней десятиметровая вспаханная полоса и как бы предупреждающая об опасности рука — яркий щит с надписью:

ВНИМАНИЕ! ПОГРАНИЧНАЯ ЗОНА!

За последние три года Хансен пересекал границу не менее двенадцати раз. И неизменно им овладевало неприятное чувство: будто кто-то следит за ним. А Хансен здесь знал каждый куст и каждую кочку. Для него было ясно: дело тут не в страхе. Он смог при несколько других обстоятельствах убедиться в своем бесстрашии. Да и сегодняшнее задание было не из самых трудных.

Хансен опустился на колени у лохматого куста ежевики — таких же кустов с сотню или больше росло на опушке — и раздвинул листву у самой земли. Под корнями куста зияло отверстие дренажной трубы. Черное, как тушь; крысиный ход, да и только... С трудом Хансен протиснул плечи в отверстие трубы. И отверстие было мало, и Хансен был широкоплеч. Шумно сомкнулись за ним ветки кустарника, брызнули сверкающей росой на зеленый мох, и все затихло.

...Шукк устроился в развилке сосны совсем уютно. Для той лисьей норы, в которую залез Хансен, он, слава богу, был слишком толст. Здесь же Шукк был вне опасности. Время от времени он подносил к глазам бинокль и спокойно осматривал местность по другую сторону границы. Что бы там ни произошло — наплевать! Он без всякого труда сменит место наблюдения, вот и все. На мгновение ему показалось, что он похож на беззаботную птичку, чуть что — прыг-скок — и на другую ветку. Шукк даже улыбнулся.

Потом ему в голову полезли разные мысли, и среди них одна, посещавшая его и раньше: до чего же просто можно было бы избавиться от этого Хансена. Из всех своих «конкурентов» Шукк недолюбливал его больше всех. Избавиться раз и навсегда... Вот сейчас свистнуть, да погромче, как раз в момент, когда голова этого Хансена вынырнет из трубы по ту сторону границы. Назад Хансену путь будет отрезан, а у этих молодых пограничников чертовски быстрые ноги. И ни однамышь не пискнет, кто кому или кто о чем тут посвистывал, когда он один вернется в Вюрцбург.

А, все это чепуха!.. Шукк отогнал эти мысли. И откуда только они появляются? Вероятно, такие мысли неотделимы от его проклятой профессии.

А Хансен тем временем уже был на условленном месте. Пожилой человек в темно-зеленом костюме лесничего сделал ему знак рукой. Хансен подошел ближе, и человек этот, даже и не поздоровавшись с ним, протянул ему бумажный пакет.

— Целая библиотека, — прошептал он. — Надеюсь, будете довольны.

— Хотелось бы надеяться... — Хансен спрятал бумаги и протянул человеку в зеленом пачку денег, скатанных в тугой ролик и перевязанных резиновой лентой.

— Что с Ледерманом, что со Шнее? Не узнали? Третье свидание прогуляли.

Лесник недовольно пожал плечами.

— Получили повышение, вероятно, --- сказал он.

Какую-то долю секунды они смотрели друг другу в глаза, потом Хансен подмигнул леснику.

— Бойтесь? — спросил он.

— Бояться буду завтра, сегодня — нет. Вот так! — и оскалил зубы.

— Ну ладно. Слушайте последний боевик на этой неделе. Если Джульетта пошлет привет Ромео, то тридцать часов спустя здесь будет один человек.

— Джульетта... Ромео... — повторил лесник.

— Да, и как обычно... Вывести только из пограничного района. Больше ничего. Есть вопросы?

Лесник взглянул на часы, отрицательно качнул головой.

— Вам пора испариться, Хозяин. Ни пуха ни пера!

* * *

Темно-серый «форд» мчался по шоссе. Машина была первоклассной, и Шукк вел ее с явным наслаждением. Искоса посмотрел на Хансена. Тот сидел усталый и мрачный. «Застудил пупок в своей дренажной трубе», — подумал Шукк и спросил:

— Что, холодно?

Хансен не ответил, и Шукк обиделся.

— Послушайте, Хансен, — заговорил Шукк с ехидцей, — вы, конечно, начальство. Волею майора Коллинза... Но иногда, знаете ли, следует и с рядовыми поболтать. Большие люди тоже иногда снисходят. В одной лодке мы сидим, Хансен, в одной лодке, думается мне... Что, заморозил брюхо в этой проклятой трубе?

Хансен достал сигарету, закурил. С силой выдохнул дым на ветровое стекло.

— Чего, чего, а воды там хватает, — пробормотал он.

— Вообще эти трубы! — Шукк скривил рот в неодобрительную гримасу. — Слава богу, что у меня довольно сала на ребрах. И силком в эту трубу не затолкнешь. Средневековьем пахнет все это, Хансен, трубы эти. Ну да, конечно, тем, кто наверху, не приходится самим навоз убирать. Три года работает наша лавочка, а еще...

— Ну, в этом-то вы не разбираетесь, Шукк! — сказал Хансен. — Эта труба в Немецкий музей попадет, дайте только срок... Лесник подпишет под этими моими словами. Она для нас просто бесценна, эта труба.

— Что-нибудь новенькое у него? — спросил Шукк.

— Да. Ледермана и Шнее можно списать.

Шукк даже присвистнул. «Ну, парень, держись! — подумал он. — Боссу это плохой подарок. Вернуться, можно сказать, из земли обетованной, а тебе в награду орден Репейника».

СЕМЕРО ЗА СОРОК ДНЕЙ

Свой двухнедельный отдых майор Тэд С. Коллинз провел на родине. Был он лет сорока, здоровья отменного, выглядел бы и моложе своих лет, только на висках уже пробились седины. Жанетт было за тридцать. Это были волнующие дни, настоящий отдых, и как раз вовремя... Женщинам в этом возрасте частенько приходят в голову паразитические идеи. И не всегда удачные, если муж находится за океаном. Как и прежде, Жанетт подвезла его на аэродром и, не скрывая страха, спросила:

— Тэд, когда ты выйдешь из игры?

Коллинз постарался ее успокоить.

— Это такая работа, Жанетт... Видишь ли, это как страхование жизни. Вот мы сейчас присмотрели ту ферму в Миннесоте, может быть, в ней все наше будущее... Но нужно собрать деньги. Конечно, когда все операции в Германии закончатся, тогда все равно конец, а пока...

Вспоминая эти последние минуты на аэродроме, Коллинз поморщился, как от головной боли. Жанетт все-таки заставила его разозлиться. Да, не просто было уйти от этого разговора. Но теперь — все! Отпуск позади. Здесь уж никакая Жанетт ему надоедать не будет, да и образцовая ферма, о которой он так мечтал, приобретает уже вполне реальные очертания. Она будет его, эта ферма!.. Теперь за дело! В конце концов все зависит от того, как идут дела в этом идиллическом Вюрцбурге. Он поднял трубку.

— Хеллоу, Пегги!

Коллинз немного позировал за столом, его широкое лицо так и сияло благосклонностью. Пегги отворила дверь, и в комнату вошли сотрудники его фирмы. «Конкордия экспорт-импорт, Вюрцбург» — так называлась эта фирма. Сотрудники вошли в кабинет: маленькая, но опасная группа. Вот Хансен, его правая рука, его «бестманны». Коллинз смотрел его во время Лейпцигской ярмарки и лично обучил. Что ж, из Хансена получился человек вполне в его вкусе. Коллинз улыбнулся ему, и Хансен ответил быстрой улыбкой. Толстый Шукк стоял за Хансеном, но был виден почти весь, какой-то разбухший и невыспавшийся.

Коллинз кивнул Шукку, тот не ответил: он грыз ногти. Чех Франтишек, стоящий позади всех, ухмыльнулся, и Коллинз строго посмотрел на него.

Франтишек был шофером, садовником, охранником и сторожевым псом фирмы «Конкордия экспорт-импорт» — последний номер в той большой игре, которой занималась фирма. Но и его нельзя было упускать из виду. Хансен должен заниматься его воспитанием. Коллинз кивнул еще раз всем сразу и сел за стол.

— Рад видеть вас в полном здравии. Миссис Коллинз передает вам привет... Благодарю, благодарю, в первом же письме передам ей ваши пожелания.

Коллинз уселся поудобней.

— Ну, теперь за дело, — сказал он.

Хансен начал докладывать. После первых же его слов Коллинз наклонил голову и закрыл глаза.

Хансен закончил доклад, и жилка на лбу у Кол-

линза вспухла. Неожиданно он резко вскинул голову и уставился на Хансена.

— Стоп, Хансен! Что вы только что сказали?

— Речь идет о Ледермане и Шнее, мистер Кол-

линз. Уже третью встречу пропустили. Это означает, другими словами, что их загребли...

Коллинз молча посмотрел на Хансена секунду, другую. Потом ловким движением выдернул несколько карточек из коробки, стоящей на столе, топорливо выбросил из стопки одну карточку, вторую, третью, четвертую, пятую...

— Два, три, четыре... — громко считал он. За-

тем еще раз заглянул в коробку с карточками, достал еще две. — И еще две, всего семь! — Коллинз с силой прихлопнул мясистой волосатой ручищей лежащие на столе карточки. Белые прямо-

угольники с темными пятнами фотокарточек посредине.

— Семь человек за сорок дней! Можете вы мне объяснить, в чем дело?

— Попытаюсь, — сказал Хансен.

— Ну?

— Система предупредительной сигнализации не менялась уже два года. Вполне возможно, что

органы государственной безопасности кое-что и узнали...

— Вы представляете себе, Хансен, что означает изменение системы сигнализации?

— Может быть, здесь индивидуальные осечки? — вмешался в разговор Шукк.

Коллинз удивленно уставился на него.

— Пятеро в Магдебурге, теперь семеро в Лейпциге... И каждый раз по объекту главного телеграфа! Индивидуальные ошибки? Это просто смешно, Шукк!

Шукк почувствовал — дал маху, и цинично заметил:

— Но мы ведь планировали потери: двадцать человек, восемнадцать в лучшем случае...

Коллинз потерял терпение. Он не закричал на Шукка, но сдержал себя с трудом. Руки его дрожали.

— Да, да... — хрипло сказал он. — Но не за четыре недели! Ну, на сегодня довольно... Вот что, Хансен. Боевик в конце недели отменить. Остальное сообщу позже.

Пегги заглянула в кабинет.

— Майор, главное управление!

Коллинз быстро схватил трубку.

— Майор Коллинз слушает. — Машинально поправил костюм. — О'кэй, сейчас буду.

Коллинз медленно положил трубку.

— Мистер Хансен, мне сейчас потребуется план расстановки тайных передатчиков и мест приземления самолетов. Вы, Шукк, на сегодня свободны. Да, скажите чеху, пусть приготовит автомобиль. Через час я выезжаю во Франкфурт.

Коллинз вышел из виллы и направился к своему домику, стоящему в глубине сада. Там была только одна комната да еще передняя, служившая Франтишку чем-то вроде дежурки. Здесь стояла его койка, окруженная всевозможными опасными для жизни вещами: над койкой висел пистолет-пулемет, рядом с ним на полочке лежали гранаты со слезоточивым газом, а со стены улыбались три балерины, сфотографированные почти в полный человеческий рост. В комнате Коллинза «роскошь» была сведена к минимуму. Офицерская кровать-раскладушка, рядом шкаф, в углу душ. Сразу же за дверью стоял массивный холодильник.

Но вот Франтишек подогнал сверкающий хромированными деталями мощный автомобиль шефа. Коллинз перекинул через руку плащ и вышел во двор. Франтишек выпрыгнул из автомобиля и распахнул перед майором дверцу. Он все умел делать быстро и как-то жизнерадостно, будто бы оказывал любезность, а не выполнял приказ.

Хансен и Шукк не отрывали взгляда от машины майора, пока она не скрылась из виду. Они стояли у открытого окна в сад. Шукк озабоченно покачал головой.

— Скрылся... — недовольно сказал он. — А я только хотел поговорить с ним... В отношении аванса.

Хансен насмешливо поднял брови.

— Сколько?

Шукк немного помялся, облизнул пересохшие губы.

— Ну, для начала что-нибудь около ста марок... Хансен улыбнулся и полез за бумажником.

— Для казино? — спросил он строго.

— Нет, нет, — довольно сказал Шукк, — что ты, дружище, — налог в пользу церкви.

Шукк, не считая, быстро спрятал банкноты.

— Удивительно! Чем больше люди хотят иметь денег, тем их становится меньше. Вы не разделяете этого мнения, Хансен?

ПОДОЗРИТЕЛЕН КАЖДЫЙ

„Совершенно секретно» — эти слова, казалось, посились в воздухе конференц-зала главного управления во Франкфурте-на-Майне. Начальник военной разведки открыл заседание одним движением руки. Он был в штатском, этот генерал, но каждый из собравшихся знал, что за его плечами мощь крупнейшей на Западе разведывательной организации. У него был пытливый взгляд исследователя, благородная серебряная сединая — одно из тех лиц, портреты которых так охотно помещают на обложках журналов.

За широким овальным столом непринужденно расселись приглашенные. Двое штатских профессорского типа, майор Коллинз, еще один майор из генерального штаба и известный психолог полковник Рокк.

Генерал коротко кашлянул. Его взгляд еще раз пристально ощупал каждого из присутствующих за столом.

— План операции «Е» готов, — сказал он медленно. — Сегодня он должен быть утвержден. План распадается на три фазы: психологическая

подготовка операции, диверсионная деятельность, военно-стратегические акции. Начнем с первой фазы. Прошу...

Один из господ в штатском выпрямился.

— Психологическая подготовка протекает удовлетворительно. Радио, телевидение и пресса сконцентрировали свои усилия для достижения двух целей: создания атмосферы обеспокоенности за свою судьбу и развития психоза массовых побегов.

Второй из штатских тут же подхватил:

— Ядро диверсионной деятельности заключается в непрерывном укреплении существующих антикоммунистических групп путем проникновения сил со стороны Запада.

Коллинз встал из-за стола и подошел к стене, наполовину закрытой картой Германской Демократической Республики. Указывая на ярко раскрашенные пункты, доложил:

— Сеть радиопередатчиков готова к действию.

Мы в курсе любого перемещения войск в зоне. Подготовительная разведка для занятия таких важных объектов, как радиостанции, телевизионные станции, почтовые и телеграфные отделения, будет закончена в ближайшее время...

Сидевший за столом штатский снова взял слово:

— В нужный момент мы даем сигнал диверсионным группам в зоне и немедленно создаем обстановку гражданской войны, то есть как раз ту ситуацию, в которой возможно военное вмешательство и осуществление захвата зоны.

Его прервал майор из генерального штаба. Он подошел к Коллинзу и, помогая своему докладу хищными движениями костлявой руки, заявил:

— Ложные удары по линии Любек — Берлин, Гельмштедт — Берлин начинаются строго одновременно. Следует прорыв из Западного Берлина в Восточный. Цель — объединение с воздушными десантами. И, наконец, главный удар: вдоль чешской и польской границ.

Майор повернулся к генералу и четко добавил:

— Исполнитель захвата — бундесвер. Оккупационная армия и контингенты НАТО приводятся в боевую готовность.

Майор помолчал. Генерал кивнул ему, и тот занял свое место за столом; рядом уселся Коллинз.

Следующие слова генерал произнес, едва шевеля губами:

— Акция захвата органически вытекает из осенних маневров войск союзников. Мне не хотелось бы подчеркивать, что эти действия встретят восточногерманский режим абсолютно неподготовленным.

Генерал вяло указал на папки, лежащие перед

Коллинзом и двумя другими, в штатском. На папках ярко выделялись белые штампы.

— Господа, — сказал он, — вам, надеюсь, известны эти штампы на ваших папках? Они означают высшую секретность. При разглашении или утрате материалов, независимо от того, какие обстоятельства к этому привели, военный суд вряд ли найдет смягчающие вину обстоятельства... Благодарю вас, господа.

Все встали. Выходили по одному. Неторопливо и безмятежно, будто случайно встретились в кафе-терии и теперь направляются по своим делам.

Майор Коллинз уже стоял в дверях, когда полковник Рокк позвал его:

— Минуточку, майор!

Коллинз вернулся в конференц-зал. Он не казался удивленным.

— Слушаюсь, сэр.

Полковник Рокк смотрел на Коллинза с явным неодобрением. Этот мускулистый майор — одна из главных карт в игре, но полковник почти не сомневался, что майор доставит ему еще немало огорчений.

— Вам нанесли порядочный урон, майор? — спросил полковник.

Коллинз устало повел плечами.

Генерал строго взглянул на Коллинза.

— Вы не ответили на вопрос полковника, Коллинз. Что, в Вюрцбургском центре «прокол»?

— Я не уверен...

Генерал посмотрел на Рокка. Тот снял очки в тяжелой роговой оправе и старательно протирал стекла.

— А вот я считаю это возможным, — заметил полковник.

Коллинз закусил губу.

— Простите, господа, но я чувствую, что... Генерал недовольно прищурил глаза.

— А нас не интересует то, что вы чувствуете, майор. Приведите в порядок свои берлинские дела, затем возвращайтесь в Вюрцбург и вооружитесь увеличительным стеклышком... Если в Вюрцбурге «прокол», Коллинз, то отвечать придется вам.

Коллинз устало выпрямился.

— Слушаюсь, сэр!

Он быстро вышел, жилка на лбу опять задрожала. Генерал, провожая его взглядом, заметил:

— Никаких подозрений! Удивительно...

Полковник Рокк усмехнулся.

— В нашем деле подозрителен каждый... И это основное правило.

Генерал снова повернулся к окну, вглядываясь в уличную толчею.

— Тогда вот что, полковник. Займитесь-ка Вюрцбургом. Думаю, что это задание как раз для вас.

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА

Хансен знал, что сегодня вечером наступит решительная минута. Капли пота катились по его застывшему, как маска, лицу, будто он занимался тяжелой физической работой. Прямо на ковре в кабинете Коллинза были разбросаны листы бумаги с бесконечными колонками пятизначных цифр. Вновь и вновь Хансен вычеркивал из колопок цифру за цифрой, строчку за строчкой. В кабинете была почти полная темнота. Хансен набирал на дисках массивного сейфа цифру за цифрой; присвечивал себе фонариком, похожим на длинный и толстый карандаш. Фонарик он держал в зубах, и яркий лучик света освещал пять небольших дисков с цифрами в нише передней стенки сейфа. Все новые и новые сочетания цифр появлялись на дисках, и после каждой попытки Хансен брался за ручку сейфа, пытаясь повернуть кольцо. Опять напрасно... Еще одно число... Хансен поднял голову: В передней комнате слышались шаги. Это могла быть только Пегги. Одним прыжком Хансен был у двери, быстро запер ее, спрятал ключ. Лампа, зажата в зубах, погасла... Ну конечно, это Пегги...

Хансен облегченно улыбнулся, а Пегги долго что-то искала в своем письменном столе, потом ушла. Теперь можно снова заняться сейфом. Вновь набрал первые четыре цифры... Девять... семь... пять... три... Почувствовал, как задрожали кончики пальцев: вот сейчас последнее число. Это оно, это должно быть оно. Только единица, только единица 97531! 97531... Ручка медленно повернулась. Тяжелая дверь сейфа отворилась.

Хансен заглянул в сейф. Напряжение исчезло, будто кто-то провел по лицу мягким платком. За тяжелой дверью сейфа находилась еще одна сплошная дверь, в свете фонарика сверкнул сложный замок-предохранитель. Ничего не поделаешь, во всяком случае, на сегодня — все... Минута острого разочарования, потом Хансен принялся убирать следы своей напряженной работы над сейфом шефа. Но все-таки результат был: 97531. Неделями Хансен мудрил над наборными дисками сейфа. Наконец-то... И ради этого всего он вот уже три года сидит в Вюрц-

бурге, «дослужился» до руководителя группы, стал заместителем самого Коллинза.

...В тот час, когда Хансен возился с сейфом своего шефа, километров за триста от Вюрцбурга, в одном из серых массивных зданий Берлина, заканчивалось совещание.

Трое в гражданском платье, скромная обстановка. В маленьких чашках стынет черный кофе, груда сигаретных окурков в просторной пепельнице. Усталые лица.

Старший из трех — широкоплечий высокий человек, седые волосы коротко подстрижены и торчат щеткой — решительно положил руку на фотокопию стратегической карты.

— Повторим еще раз... Это тот самый план, который наши противники готовили на протяжении многих лет. Состояние подготовки сегодня обсуждалось в главном управлении. Нам доложили, что детальные планы уже розданы по оперативным отделам. Система распределения материалов...

Он остановился, взглядом приглашая продолжить своего соседа, сидящего от него по правую руку. Тот разъяснил:

— Система распределения материалов нам известна. К сожалению, круг лиц, допущенных к нему, очень узок. Некоторые сотрудники главного управления и руководители областных центров военной разведки...

— Так... Вот у одного из них нам и нужно будет изъять эти планы. И если мы их получим, тогда, — голос председательствующего прозвучал твердо, — тогда мы предадим их самой широкой

огласке. Пусть узнает обо всем мировая общественность... Материалы должны попасть к нам в оригинале, обязательно в оригинале... И тогда мы увидим, что останется от этих планов. Время не терпит. Сегодня мы должны все решить. Какие будут предложения?

Младший из трех пожал плечами. На вид ему было лет тридцать, не больше. Он быстро просмотрел свои записи.

— Мне кажется... Лучше всего взять их в Бюринбурге... — Задумчиво глянул в окно. — Товарищ Лоренц там уже три года...

— Договорились... — кивнул головой председательствующий. — Организуйте встречу... Если возможно, здесь, в Берлине.

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ИГРА

Знакомство Шукка с разведкой этого государства произошло сразу же после войны. Знакомство было случайным. Да и вообще судьба не была благосклонной к Шукку. Быть может, Шукк бросал слишком жадные взгляды на тугие кошельки своих заказчиков, может быть, и по другой причине, но связь с разведкой вскоре прервалась. А отношения в мире между тем выяснились и стабилизировались, фронт так называемой «холодной войны» ясно обозначился. К этому времени Шукк уже благоденствовал в своем родном Магдебурге, можно сказать, как сыр в масле катался. Тесть занимался торговлей углем, и можно было смело глядеть в будущее. Но однажды... однажды Шукк случайно занес на свой личный счет стоимость доброй сотни тонн угля. Последствием этой двойной, а вернее, тройной бухгалтерии была срочная необходимость покинуть насиженное местечко и предпринять поездку в Западный Берлин. Оставив позади «хвост» в виде опыта по тройной бухгалтерии, зафиксированного в бухгалтерской книге своего тестя, и не слишком опечаленную семью, Шукк исчез в каменных бараках для беженцев в предместье Западного Берлина Мариенфельде. Здесь-то ему и пригодился его опыт первых послевоенных лет. Он добросовестно доложил о своих прежних занятиях в соответствующем месте.

Нет, не прямой была дорога, которая привела его год спустя в Вюрцбург. Но теперь он один из ближайших сотрудников мистера Коллинза, а это что-нибудь да значит!

Сегодня шеф щедро дал ему отпуск, весьма кстати, весьма... Если бы не дал... Тогда пришлось бы самому просить. Так или иначе, он должен был сегодня быть здесь, в казино. Согнутая рука тихонько прижала боковой карман, хрустнули банкноты, полученные от Хансена. Снова выручил, и в который раз! Ну и задолжал же он ему! Осторожно ступая по натертому полу, Шукк приблизился к Чарли, высокому крючконосому старику — доверенному лицу этого заведения. Шукк поклонился Чарли с некоторой элегантностью, но тот посмотрел на него с явным снисхождением и небрежно звякнул жетонами для игры, горкой насыщенными на тарелке.

— Снова у нас, гроссмейстер? — спросил Чарли.

— Много хлопот, Чарли? — ответил Шукк.

Чарли наморщил нос и глянул мимо Шукка в главный зал.

— Если гроссмейстер подразумевает даму в лиловом — смотрите туда, гроссмейстер, — в лиловом платье со шлейфом, то у вас будет много хлопот, как мне кажется. Дама сидит за столом, рядом с колонной, место рядом свободно, мистер...

— У вас великолепный нюх, Чарли!

— Стоило мне родиться, мистер, как те же слова были сказаны моей матерью, те же слова, гроссмейстер...

Двойная дверь в главный зал была широко открыта. Шукк остановился на пороге, осмотрелся. Два, нет, три стола для игры в рулетку, столики поменьше для карточных игр... Дешевые ковры,

масса стекла. Глубокие ниши. Имитация под мрамор... За столами «полусвет», несколько провинциальных купчиков и группа сопляков. Горько придется этим мальчишкам расплачиваться за те несколько марок, которые они выловили на сегодняшний вечер из сумочек своих мамаш.

Голос крупные назойливо повторял: «Ничего больше», «Ставок больше нет...», и это же самое по-английски, по-французски, по-итальянски...

А шарик между тем все крутился, журча, и Шукк невольно следил за ним взглядом.

В углу, как раз у входа, тихо зазвенел телефон. Чарли поднял трубку, поискал глазами Шукка, который все еще стоял у входа в главный зал.

— Казино... Слушаю вас... Вечернее заведение к вашим... О, господин барон! Я приветствую вас!

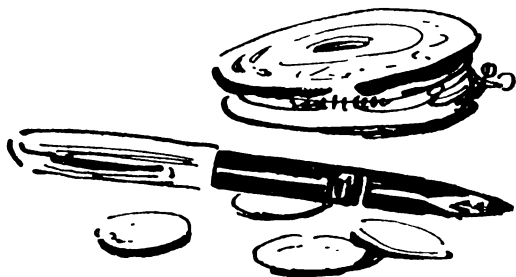
Взгляд Чарли теперь уже не случайно обратился в сторону Шукки. Затем он тихо спросил:

— Во что вы оцениваете информацию?.. Пять?! О, обедневшее дворянство, я понимаю, понимаю... Ну хорошо... Минуту назад я имел счастье поздра-

вить его с прибытием. Есть ли рядом с ним особа женского пола? — Чарли повторил вопрос и ответил не сразу. Он чуть-чуть приподнял голову и взглянул в зеркало над главным столом в зале. Отсюда ему была ясно видна суতোлка вокруг стола. Затем он любезно сказал своему невидимому собеседнику: — Я слышу... Ты хочешь узнать? — И кашлянул значительно. — Десять? Это другое дело. Дама, к которой упомянутый вами господин сейчас приближается, к сожалению, уже перешагнула порог весны. И это, господин барон, уже заметно...

Чарли положил трубку. Шукк между тем действительно сел рядом с дамой в лиловом платье и принялся внимательно следить за шариком рулетки. Как и все за столом, он также приготовился к игре: достал маленький блокнот, шариковую ручку, сига-

реты и все это разложил поудобней на столе. Затем Шукк набрался решимости и не без колебаний сделал малюсенькую ставку.

— Вам следовало поставить на четырнадцать, уважаемый... — сказала глуховатым голосом сидящая рядом с Шукком дама и улыбнулась одними глазами.

Шукк также улыбнулся.

— Уже занято, мадам! — ответил он.

И Шукк и дама в лиловом некоторое время играли молча. Рядом с кошельком, принадлежащим даме, лежала такая же шариковая ручка, как и та,

— Слушайте! — немного торжественно сказал Шукк. — Девять... семь... пять... три... один...

— Я вся — внимание... — понимающе кивнула Адельгейд.

Шукк был польщен.

— Это была математическая задачка, скажу вам... И ювелирная работа!

— Так что вам еще нужно? — спросила Адельгейд.

Шукк ответил не сразу. Он решительно влил в себя остаток виски.

— За бронированной дверью есть еще одна... И на ней замок. Страхующий...

Ни одна из черных покрашенных ресниц Адельгейд не дрогнула.

— Только-то! Ключ вы получите не позднее чем на следующей неделе.

— О, у мадам длинные руки!..

Адельгейд подняла брови. Потом достала кошелек и высыпала перед собой целую кучу жетонов.

— Сколько мне можно взять? — спросил Шукк.

Десять жетонов один за другим скользнули в руки Шукка, и в тот самый миг, когда последний жетон улегся на его ладони, метрах в двух от них, полускрытый колонной Хансен прикурив свою сигарету. Даже посетитель, который сидел, развалившись рядом с ним, не мог бы утверждать, что удлиненная зажигалка в руках Хансена в момент, когда вспыхнул язычок пламени, как-то странно щелкнула. Немного позже Хансен пробрался к выходу. Две бумажки, по пять марок каждая, исчезли в руке у Чарли.

— Очень обязан, господин барон... Прошу вас рекомендовать меня вашим высокоуважаемым родственникам.

УТРЕННЯЯ ГИМНАСТИКА

Выстрелы следовали друг за другом в таком бешеном темпе, что шум сбиваемых банок заглушал и сливался с ними. Банки были расставлены на полках, за которыми находились мешки с песком.

Хансен принялся заряжать пистолет.

— Неплохо, Франтишек, — бросил он чеху. — Еще раз займись пистолетом-пулеметом, и все, на сегодня конец. Шукк, поставь-ка банки на место.

Утренняя тренировка сотрудников «Конкордия экспорт-импорт» могла бы показаться кое-кому странной. Но подвал респектабельной фирмы был абсолютно звуконепроницаемым и первоклассно оборудованным тиром. О его существовании было просто невозможно догадаться.

Шукк, ругаясь про себя, принялся расставлять «мишени». Домой он вернулся только ранним утром и чувствовал себя ни на что не годным. Жизнь, полная приключений, в которую он с таким воодушевлением окунулся в свое время, порядком его утомила.

Франтишек, лукаво улыбнувшись, поднял пистолет-пулемет. Шукк разразился проклятиями:

— Святой крест! Будь ты проклят! Что ты делаешь? Дай же мне отойти в угол!..

Он перепрыгнул барьер и чуть не опрокинул

ворвавшегося в подвал майора Коллинза. Тот появился с пистолетом-пулеметом в руке, рукава закатаны выше локтей, воротничок расстегнут. Широкое лицо покраснело от гнева.

— Вот дурак! — выругался майор по-английски. — Дамнид фул! Вы что, ослепли?

Коллинз небрежным движением пистолета указал Франтишку на дверь:

— Можешь идти!

Он подождал, пока звучно щелкнул замок за Франтишком, и вновь взялся за Шукка.

— Что с вами случилось, Шукк? Вы что-то побледнели?..

— У меня желудок, мистер Коллинз... Что-то с желудком...

— Ваш желудок! — проворчал Коллинз. — Кстати, в лагере новичков результаты стрельбы черт знает какие, стреляют просто как свиньи!

— Я займусь с ребятами! — мигнул понимающе Шукк. — Я только думаю... — он явно колебался.

— Вы? Думаете? О чем вы думаете? — насмешливо спросил Коллинз.

— Думаю... Наша работа, шеф, связана больше вот с этим, — Шукк указал на свою голову, — чем вот с этим. — Он показал на пистолет.

Коллинз свирепо следил за его жестами. Он великолепно знал, что Шукк попросту повторяет его же собственные слова, но сегодня утром Коллинзу было нелегко угодить.

— Мы не занимаемся умственной акробатикой! — возбужденно бросил он Шукку и с треском вставил обойму в свой пистолет. Выпуклые глаза вновь уставились на Шукка. — Уж если вы соиз-

волили заговорить насчет интеллектуальных проблем, Шукк, то позвольте мне заметить... Из тех людей, что вы для нас завербовали, двое опять смылись!

Шукк был ошеломлен.

— Как так?!

— Вот так! — с издевкой ответил Коллинз. — И тотчас же почувствовал: зря он упрекает Шукка, не в нем одно дело. — Их, конечно, переманили в разведку бундесвера. — Голос его звучал уже мягче. — Ну, на сегодня с вас хватит. Вы также, Хансен, можете идти. Кстати... вы поедете со мной в Берлин.

Шукк уже успел выйти из подвала. Хансен в дверях обернулся, спросил:

— Что-нибудь чрезвычайное, шеф?

Коллинз мотнул головой.

— Просто встреча. С одним из тех, кого еще не загребли. Мы вылетаем в шесть утра.

Майор поднял свой пистолет-пулемет, и его первая очередь обрушилась на строй пустых банок из-под пива.

КАПИТАН ИЗ ПАНКОВ

Равномерный шум моторов действовал успокаивающе. Из окна была видна беспредельная пелена облаков, освещенных солнцем. Летели на высоте трех тысяч метров. Коллинз и Хансен сидели рядышком, вплотную. Устроились вполне удобно в этой куче всякого военного хлама.

Коллинз сразу же задремал — видно, неплохо провел ночь.

Хансен слегка кашлянул, и Коллинз медленно поднял отяжелевшие ото сна веки.

— У вас что-нибудь на сердце, Хансен? — спросил он. — Выкладывайте...

Хансен кивнул.

— Скажите, майор... Вы знаете, я не люблю любопытствовать, но вчера с вами что-то произошло. Просто плохое настроение или... или неприятный разговор в главном управлении?

Коллинз внутренне содрогнулся. Откровенный вопрос заместителя застал его врасплох.

— И то и другое, — проворчал он и быстро повернул голову к Хансену. — Я уверен, что в нашей фирме есть предатель, Хансен... И теоретически, да, теоретически этим предателем являетесь вы...

Испуга не произошло. Хансен узнал как раз то, что ему и хотелось знать: в главном управлении что-то подозревают. Это он молча отметил про себя и, улыбаясь, посмотрел на майора.

— Теоретически могу оказаться я, майор. Но если говорить строго, то и вы также!

Коллинз сперва смущенно мигнул, потом засмеялся и без всякого перехода спросил:

— Вы знаете, Хансен, что собой представляет правительственный телеграф как учреждение?

Хансен молча кивнул.

Коллинз рассеянно глянул в окно.

— Восточноберлинский правительственный телеграф — наша следующая задача.

Под крылом военного самолета показался Эйзенах. Вот-вот должен был появиться аэродром, а Коллинз все объяснял и объяснял Хансену дета-

ли той части плана главного управления, которой им придется заняться.

— Наша группа займет в решительный момент здание правительственного телеграфа. Оттуда мы пошлем по всем направлениям настолько противоречивые указания, что получится полная сумятица. А тем временем главные стратегические пункты попадут в наши руки.

— А вот о том, как это сделать, вы подумали, майор?

— Конечно... Правда, я недалеко ушел. Может быть, вам, Хансен, придет что-нибудь на ум?

Хансен задумался, даже закрыл глаза. И вдруг сказал тихо:

— Будь я на вашем месте, я бы постарался найти подходящего руководителя группы из числа наших подопечных в учебном лагере. Надел бы на него форму народного полицейского и пусть сыграет капитана из Копеника *. Возможно, что этот путь...

Коллинз сразу ухватил суть дела.

— Капитан из Копеника? Нет! Капитан из Панков ** — это уже лучше звучит.

---

* Капитан из Копеника — под таким именем известен авантюрист XIX столетия. Выдавая себя за офицера германской армии, он совершил дерзкое ограбление, командуя целым взводом солдат. Военная форма оказала столь гипнотическое воздействие на «патриотически настроенных» горожан, что никому и в голову не пришло подозревать мнимого капитана, хотя тот прошел свою «военную подготовку» в тюрьме, а форму купил у старьевщика.

** Панков — район в северной части Восточного Берлина.

Коллинз раскатисто рассмеялся, но вдруг обормотал смех: из бортового динамика донесся голос пилота:

— Подлетаем к Берлину. Прошу застегнуть ремни.

Коллинз и Хансен принялись старательно привязываться.

Коллинз совсем разыгрался, настроение его явно улучшилось. Он даже по-приятельски толкнул Хансена локтем в бок.

— Насчет капитана мы еще потолкуем.

Самолет пошел на посадку.

АНТИКВАРНЫЙ АПОСТОЛ

Коллинз вылез из самолета в великолепном настроении. Они приземлились в Темпельгофе, и их никто не встречал, но майор быстро разыскал перед зданием аэровокзала черный «оппель-капитан» последнего выпуска и уверенно повел его в Берлин. Коллинз обожал хорошие автомобили и пользовался любым случаем, чтобы посидеть за рулем. Вот показались кварталы вилл. Коллинз увеличил скорость, открыл боковое окно. Спокойно закурил сигарету.

У одного из перекрестков Коллинз показал Хансену виллу, уютно выглядывающую из-за густой листвы сада.

— Сколько воспоминаний, — сказал он. — В этой вилле у меня было место свиданий с одним агентом. Это был великолепный работник, почти

такой же хороший, как и вы, Хансен. Звали его Пулвер... Был у него только один недостаток. Он сотрудничал не только с нами. Я обо всем догадался, и в тот самый день, когда я хотел положить его на обе лопатки, парень исчез. И прислал мне открытку. С Бескидов, из Польши!

Коллинз с силой нажал на педаль, и машина рванулась вперед. Хансен едва заметно улыбнулся.

— К чему это вы мне рассказываете, майор?

Коллинз искоса взглянул на него, принужденно ухмыльнулся.

— Больше я не хочу получать подобных открыток из Польши, мой дорогой Хансен...

Машина резко остановилась перед низенькой виллой в стиле американского бунгало.

— Моя новая берлога, — сказал Коллинз. — Запомните ее положение. Да, для вас заказана комната в «Рикси». Ну, выходите, Хансен, ландшафт того заслуживает!

Коллинз демонстрировал внутреннее убранство виллы не без чувства гордости за свои владения. Его домашняя обстановка в Вюрцбурге была спартаанской, здесь же, в Берлин-Целендорфе, Коллинз развернулся вовсю.

— До семнадцати часов вы мне не нужны, Хансен, — сказал он, доставая из кармана какую-то записочку. — Но, может быть, вы окажете мне одну услугу?

Коллинз протянул записку Хансену.

— Видите ли, я питаю слабость к кое-каким пыльным червями старинным вещичкам... В общем, Хансен, поезжайте в антикварную лавочку

что являлась собственностью Шукка. Точно такая же, вряд ли одно яйцо отличается от другого больше. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Шукк совершенно случайно взял эту ручку себе, когда собирал свои принадлежности, чтобы оставить зеленый стол.

Возле бара толпилось много людей, но Шукк разыскал уютный уголок. Он вежливо пододвинул высокую табуретку, когда его привлекательная соседка в лиловом платье покинула рулетку и направилась к нему.

— Счастье в игре покинуло вас... — сказала дама.

Шукк грустно вздохнул.

— Вы изволите что-нибудь заказать?

— Только виски.

Они занялись своим виски, время от времени поглядывая друг на друга. Их взгляды встречались с неподдельным интересом. Со стороны было ясно: этим двоим есть о чем поговорить, и отнюдь не на деловые темы. Шукк знал, что Адельгейд — так звали его даму — уже перешагнула четвертый десяток. Дам в этом возрасте и этих занятий в специальных кругах называли «мытыми», но самому Шукку казалось, что от его соседки исходят весьма приятные флюиды.

Шукк наклонился к своей соседке.

— У меня есть великолепная комбинация цифр... — прошептал он.

Адельгейд приблизила свою аккуратно причесанную голову.

— И она состоит из...

на Иоахимсталерштрассе. Там есть одна вещь...
Купите ее для меня.

— Будет сделано, майор. Что-нибудь еще?

— Нет, нет, больше ничего до семнадцати часов. Да, вот вам ключи от автомобиля, он мне не нужен.

Коллинз подошел к окну, наблюдая за отъезжающим Хансеном, потом прошел в салон и нажал на клавишу переговорного устройства, спрятанного возле дивана.

— Коллинз... — отдельно выговорил он.

— Сэр? — хрипловато ответили ему.

— Он только что выехал, лейтенант. Пошлите за ним двоих. Подберите поумнее... И если придет посетитель, проводите его ко мне. Тотчас же!

* * *

Посетитель оказался полным, угодливо улыбающимся человечком. Вошел он робко, и было видно, что шикарная обстановка салона его явно угнетает. Коллинз вежливо предложил сесть. Посетитель осторожно присел на серые подушки дивана. Взглянул на ожидающего Коллинза. Потом отвернулся, прикрыл левый глаз рукой и, аккуратно положив свой стеклянный глаз на белоснежный носовой платок, протянул Коллинзу.

Коллинз наблюдал эти манипуляции со смешанным чувством любопытства и брезгливости. Достал из шкафчика возле окна открытую коробочку с еще одним стеклянным глазом и пододвинул ее по крышке стола своему гостю. Затем стал осторожно разнимать принесенный ему глаз.

Посетитель чуть-чуть улыбнулся, когда Коллинз извлек из стеклянного глаза три микрофильма. Микрофильмы были намотаны на маленькие катушечки. Коллинз подошел к окну и развернул перед собой одну из принесенных пленок. Его рот дернулся.

— Слабо...

Посетитель быстро пояснил:

— Одна из пленок оказалась перепроявленной. Я только положил пленку в проявитель, как вдруг ко мне пришли...

Коллинз просматривал вторую, более чуткую пленку.

— Кто пришел? — спросил он рассеянно.

Посетитель замолчал в замешательстве.

— Зашли... зашли эти, из организации «Народная солидарность»... Я, видите ли, состою в этой организации.

Коллинз свернул пленки.

— Да, — сказал он, кивнув головой, — это замечательно, что вы состоите в этой организации. Есть еще что-нибудь новое?

Толстяк встал с дивана.

— Я получил путевку на курорт, на берег Черного моря. За хорошую работу.

— Ого! — насторожился Коллинз. — И у вас на руках эта путевка?

Посетитель достал из старенького бумажника путевку и положил ее на стол.

— Это нужно взять на заметку, — сказал Коллинз. — Да, распишитесь.

Он достал из бокового кармана тоненькую пач-

ку денег, отсчитал пять раз по пятьдесят марок и пододвинул своему посетителю.

— Пересчитайте!

Толстяк педаптически вывел свою подпись. Коллинз переписал в записную книжку данные путевок.

— Там должно быть точно, — сказал он вполголоса. — Вы пересчитали?

— Двести пятьдесят марок, — слегка разочарованно откликнулся посетитель.

Толстяк отдал расписку Коллинзу и спрятал полученные деньги в какое-то тайное отделение бумажника. Тем временем Коллинз медленно выводил на бланке расписки цифры, одну за другой, справа налево. Вначале он нарисовал ноль, затем второй, потом в задумчивости вывел четкую пятерку.

* * *

Час спустя на том самом столе, на котором только что произошел обмен стеклянными глазами, Хансен устанавливал метровую деревянную фигуру апостола. Коллинз вошел в салон и, прищурив глаза, окинул фигуру апостола взглядом знатока. От старости и дыма благовоний, многие годы воскуряемых у ее подножия, дерево статуи пожелтело. Даже на несведущего человека фигура производила впечатление своей изысканной простотой, какой-то особенной резкостью черт лица, за которыми угадывалась рука большого мастера.

— Стоит целую кучу денег, майор! — сказал Хансен.

— Искусство всегда стоит массу денег, мой дорогой... — подтвердил Коллинз.

— А доставка, майор! — засмеялся Хансен. — В любом случае вас не надули с этим апостолом. Он стоял у алтаря в Бреславле, продавец за это ручался.

— Чудесно, Хансен, чудесно, — Коллинз широко и благосклонно улыбнулся Хансену.

— Будут еще поручения, майор?

Коллинз нежно прикоснулся к дереву статуи.

— Можете смеяться надо мной, Хансен, но я как-то купил весь алтарь...

Хансен взглянул на него удивленно.

— Весь алтарь?

— Часть за частью, фигуру за фигурой, — продолжал Коллинз.

— И, разумеется, вы его перепродали дальше, майор?

Коллинз вздохнул.

— Разумеется, Хансен... Эти древние пеньки — любимая игрушка наших миллионеров. Я бедный майор, Хансен, не буду же я украшать вот такими апостолами свой комод.

Коллинз снял апостола со стола и бережно запер его в стенной шкаф. Повернулся к Хансену и наставительно заявил:

— Каждый, кто хоть сколько-нибудь разбирается в делах, может по меньшей мере столько же заработать на распаде какой-либо древней культуры, как и на строительстве новой.

Хансен пожал плечами, он казался чем-то расстроенным.

— Сожалею, майор... Я в этих делах не разбираюсь.

— Это не каждому дано, Хансен, — Коллинз дружелюбно обнял Хансена за плечи и провел в соседнюю комнату, где на большом письменном столе лежали еще влажные фотографии, одна рядом с другой.

— Подойдите ближе, тут вас кое-что заинтересует.

Фотографий было много. На одной Хансен сразу же узнал здание министерства связи ГДР. Затем следовали детально сфотографированные двери, лестницы, входы и выходы, интерьеры различных комнат, уставленных аппаратурой связи. Профану все это собрание снимков неизвестного назначения могло бы показаться совершенно неинтересным, но Хансен не смог удержать восхищенного восклицания:

— Доннер веттер! Ну и работка!.. Хороша...

Хансен стал просматривать фотографии. Коллинз довольно улыбался.

— Вот это и есть телеграф восточноберлинского правительства, — сказал он. — Снаружи, изнутри... Личный состав работников, служба охраны, расположение кабелей питания, выключатели, бильдтелеграф... Да вы сами видите.

Коллинз взглянул на часы.

— Просмотрите все это внимательно. Понадобится еще что-нибудь — человек до шести часов в вашем распоряжении. Но только до шести часов, так как он уезжает на целых две недели.

Коллинз направился к двери.

— Как, Хансен, что-нибудь подходящее на се-

годняший вечер подыскали? — спросил он неожиданно.

Хансен подсел к письменному столу и, внимательно разглядывая фотографии, ответил с ленцой:

— Рекомендовали мне тут один кабачок... «Золотая подкова». Говорят, удачное соединение скакового манежа и бара...

„ВЫБИРАЮТ ДАМЫ“

Вечер сверкал огнями неоновых ламп. Красными, зелеными, синими... Настоящий водопад света то отражался в асфальте, то молниеносно взбирался на темные стены зданий, чтобы рассыпаться в вышине, где-то над крышами, в оранжевом небе. Сквозь гостеприимно открытые двери многочисленных баров и пивных доносились дробные и визгливые звуки различных музыкальных устройств. В подъездах заведений стояли швейцары и вели охоту за колеблющимися клиентами.

— «Золотая подкова»! Новинка! Это невиданное зрелище, господа! Выпивка без всяких ограничений! Умеренные цены!

Дверь в бар своей формой напоминала большую подкову, да и швейцар в том же духе: покавалерийски кривоногий, в яркой желто-сине-алой униформе — прямо жокей с картинки.

Коллинз и Хансен подошли к двери. Швейцар вытянулся, приложил два пальца к фуражке.

— Прошу, прошу, господа! Проходите, господа! Вы найдете здесь самых красивых женщин и лучших лошадей. О, вы никогда не разочаруете-

тесь! — Он широко распахнул дверь, и страшный поток звуков вырвался наружу: к визгу джаза примешивалось ржание лошадей и взвизгивание женщин. В такт «музыке» хлопали кнуты жокеев.

Лицо Коллинза сияло. Хансен угодил его вкусом с удивительной точностью. Это как раз то, о чем он и мечтал. Они прошли в глубь бара и присели за столик в самом углу, возле арены. На круглом манеже стояло штук пять лошадей. Все они нетерпеливо рыли копытами опилки. Кавалеры пытались помочь своим дамам занять седла. Высокий парень с размаху посадил свою даму на спину покорно стоящей пегой лошади. Со стороны показалось, что дама прямо-таки перелетела по воздуху, ее черные локоны рассыпались, Коллинз, округлив глаза, вдруг сказал:

— Черт возьми... — И замолк.

Вновь загремел джаз, и лошади пошли по кругу рысью, потом перешли в галоп. Дамы взвизгивали, мужчины кричали от восторга. Поднялся адский шум. Коллинз, не отрывая глаз от дамы с черными локонами, влил в себя три рюмки виски подряд.

Музыка заиграла медленнее, и лошади вновь перешли с короткого галопа на рысь. Вспрыгнув на барьер, Хансен подождал, пока с ним не поравнялась пегая лошадка, на спине которой восседала черноволосая дама. Ее кавалер держался на своем рысаке рядом с ней.

— Тпррр... — закричал Хансен лошади. К его удивлению, пегая лошадка сразу же остановилась.

— А ты не будь любопытным, мой дорогой! — бросил Хансен кавалеру и с силой ударил по кру-

пу скакового жеребца, на котором тот восседал; жеребец сразу же пустился вскачь.

Черненькая посмотрела на Хансена так, что трудно было понять, возмущена она или ей ужасно весело. Сверкнув глазами, спросила:

— В чем дело?

— Я хочу обратить ваше внимание... — настойчиво сказал Хансен.

— На что?

— На меня! — весело закончил Хансен и, легко подхватив даму, галантно вынес ее на руках прямо на танцплощадку.

Вокруг одобрительно засмеялись, дама была в восторге. Легкая и грациозная, она сразу же уловила темп той какофонии, которую издавал оркестр. Возможно, что подобный способ похищения ее вполне устраивал. Устраивала эта заполненная женщинами и лошадьми конюшня и Коллинза: во всяком случае, здесь можно было совершенно безопасно назначать любые свидания, что для него не было безразличным.

Во время танца дама занималась внимательным разглядыванием Хансена и, наконец, спросила его:

— Вы американец?

— К сожалению, нет... — с опечаленной миной ответил Хансен. — Но мой шеф, вон там, возле бара, прямо из богом благословенной страны... А вы? Вы берлинка?

Черненькая откровенно улыбнулась.

— Я из Баварии. Из самого Гармиша...

Тем временем кавалеру дамы удалось отделаться от своего жеребца. Его возмущенное лицо то там, то здесь мелькало между танцующими пара-

ми. Наконец он оказался рядом с Хансеном и крепко хлопнул его по плечу.

— Вас зовут к телефону! — сказал он.

Хансен сделал удивленный вид, потом рассмеялся.

— Да, у меня заказан разговор-молния!

Глазами поискал Коллинза. Тот уже пробирался к нему, раздвигая своими широкими плечами толпу.

— Разрешите представить, — сказал Хансен, — директор Коллинз из «Конкордии». Не побудете ли вы одну минутку в обществе моего шефа, престная дама?

Черненькая кивнула. Ее кавалер крепко взял Хансена за плечо.

— Ну, идем, покажешь мне телефон.

А когда они вышли в вестибюль, Хансен не дал парню даже как следует размахнуться: короткий удар — и парень уже лежал на полу, закатив глаза. Хансен поднял его за воротник и хорошенько встряхнул.

— Сожалею, мой малыш! — сказал он и сунул в его ладонь пять марок. — Вот купи себе пива. А дама эта не для тебя...

Парень все еще не мог успокоиться, но Хансен подтащил его к выходу и вручил швейцару.

— Шляпу и такси для молодого человека, — сказал он.

Хансен застал свою даму оживленно болтающей с Коллинзом. Они уже почти пришли к согласию по многим жизненно важным вопросам. Коллинз косо взглянул на вернувшегося Хансена.

— А мы как раз договорились с Лиз немного поразвлечься, — сказал Коллинз.

— А я только хотел пригласить вас на танец,— с опечаленным видом сказал Хансен черненькой.

Лиз — так звали черненькую баварку — посмотрела на Хансена в нерешительности. Возможно, тут сыграли роль серебряные виски Коллинза или его положение (директор!), но Лиз прижалась к Коллинзу и виновато сказала:

— Выбирают дамы!

Хансен огорченно пожал плечами.

— Это один из немногих отказов, мадам, который меня действительно огорчил.

Коллинз отвязал от шнура автомобильный ключ.

— Берите машину, Хансен, и развлекайтесь. Где я найду вас?

— Поеду в «Рикси»... Спать...

Коллинз оглушительно расхохотался.

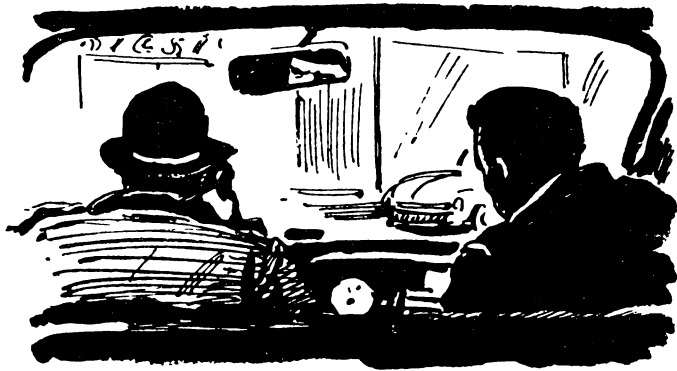
— Счастливой охоты! Ни пуха ни пера!

ИЩЕЙКИ

Еще рано утром Хансену стало ясно, что его непосредственный начальник не предоставит его опасностям и соблазнам большого города без должного наблюдения. Три года пребывания Хансена в Вюрцбургском центре не прошли даром, с чем-чем, а уж с практикой тайного наблюдения он был хорошо знаком. Для него не представляло труда догадаться по натянутым улыбкам Коллинза: началась какая-то возня за его спиной. Тому

были и прямые доказательства. Например, сегодня утром в самолете: «Теоретически этим предателем являетесь вы...» И позже, когда они мчались в Берлин: «Больше я не хочу получать подобных открыток из Польши...» В военной разведке этого

государства стало традицией при малейшем подозрении прикреплять для слежки пару ищеек. Сомнительно только, что Коллинз сам пришел к этим подозрениям. Тут видна рука полковника Рокка, безусловно, полковник уже в игре. А, вот и они. Хансен сразу же узнал их автомобиль, когда подгонял «оппель» на стоянку перед отелем «Рикси». Он спокойно захватил свой чемоданчик, запер «оппель» и направился в слабо освещенный вестибюль отеля.

— Надеюсь, путешествие прошло успешно, господин Хансен? — приветствовал его портье.

— Благодарю, благодарю... Но я чертовски устал.

Портье понимающе кивнул.

— Ваша комната на втором этаже...

На лестнице Хансен повернулся к портье и сказал:

— Кто бы ни звонил, я прошу меня не беспокоить, меня нет ни для кого.

— О господин Хансен, я выключу телефон! Как обычно.

Портье открыл дверь номера, выключил телефон и, пожелав спокойного отдыха, вышел.

Как и большинство западноберлинских отелей, «Рикси» почти пустовал. Ни одного человека в длинных коридорах, освещенных матовым светом ночных ламп. Хансен запер за собой дверь и занялся всем тем, чем бывает занят любой постоялец, укладывающийся спать в гостинице. Разложил чемоданчик, достал пижаму и ночные туфли. Зажег и погасил свет в ванной комнате. Проделав все это, Хансен надел темный нейлоновый плащ и осторожно вышел из ванной комнаты в коридор. Там было по-прежнему пусто. Эту дверь Хансен запер особенно тщательно, спрятал ключ в карман и, стараясь не шуметь, выбрался из отеля по боковой лестнице. Через этот подъезд, выходящий в темный двор, отель получал ящики с продуктами для ресторана и другие товары. Хансен спешил даром. Пока он не погасил света в своей комнате, можно было быть уверенным, что ищейки продолжают наблюдать за окнами его комнаты. Но как только свет погас, они сразу же должны были взять под наблюдение все здание цели-

ком. Все обошлось благополучно. Один из сыщиков вернулся после обхода здания в автомобиль, снабженный передатчиком, и, позевывая, сказал в микрофон:

— Ничего особенного... Похоже, что лег спать... Есть, буду докладывать каждый час. Все...

Его коллега заворочался на заднем сиденье.

— Ночь будет долгая... — сказал он и сонно посмотрел на темные силуэты домов. — Будем дежурить по очереди. Разбудишь, когда придет мое время.

МАНФРЕД

На соседней улице Хансен отыскал серый автомобиль и быстро вошел внутрь. Машина сразу же двинулась с места. В сумраке вспыхивали огни реклам, освещая угловатый профиль крупного пожилого мужчины, сидящего рядом с Хансеном.

Чья-то рука протянула Хансену коробку с сигаретами. Как бы в ответ он вытащил из кармана свою пачку сигарет, нащупал среди них одну и, вытащив до половины из пачки, предложил своему соседу.

— Новости из Вюрцбурга, — сказал он.

Полковник, сидящий рядом с Хансеном, был тем самым пожилым человеком, который председательствовал на заседании в управлении государственной безопасности. Основным вопросом, как, возможно, помнит читатель, было обсуждение аг-

рессивного плана, разработанного в главном управлении во Франкфурте.

Привычным движением полковник развернул сигарету и извлек из нее маленькую кассету для микропленки. Спрятал ее в карман и, улыбаясь, сказал Хансену:

— Товарищ Лоренц, у вас найдется часа два времени?

— Даже три... — в раздумье сказал Хансен. — Но, между прочим, перед моим отелем...

Полковник показал Хансену на шофера, и тот сразу же обернулся. Машину вел тот самый сотрудник контрразведки, который тогда, на заседании, предложил кандидатуру Хансена-Лоренца для запланированной операции. «Шофер» негромко сказал:

— Нам непрерывно сообщают обо всем, чем занимаются те двое, перед отелем... Так как же, товарищ полковник, к плавательному бассейну?

Полковник кивнул.

— Да. — И посмотрел на Хансена. — К вашему мальчугану, товарищ Лоренц...

Хансен сидел молча. Он не видел своего сына вот уже целых три года. Пришлось уйти, исчезнуть... Оставить одного, а Манфреду было тогда чуть больше десяти лет.

— Хорошо, что вы об этом подумали, — сказал он.

В огромном здании плавательного бассейна на Гартенштрассе проходили состязания среди юношей. Зал был освещен мощными прожекторами, и вокруг царила та особенная атмосфера, которая так дорога каждому настоящему спортсмену. Об-

лицованные сверкающим кафелем стены отражали яркий свет. Зелено-синяя прозрачная вода пенилась за пловцами. Высокий зал дрожал от криков возбужденных зрителей. Еще бы, сегодня должно было решиться, кто будет первым в состязании вольным стилем на сто метров.

С верхней галереи был виден весь зал. Публику сюда не пустили. Полковник подал Хансену небольшой театральный бинокль.

— Смотрите, он там... — сказал он.

Хансен увидел мальчишек, множество голых и мокрых мальчишек, широко разевавших рты в восторженных криках. А среди них... Хансен слегка вздрогнул. Он увидел пожилого, намного старше, чем он, Хансен, человека. Старость избородила его лоб. Да, это Вильгельм Гартман, друг. А рядом с ним тоненький мальчик в плавках — Манфред.

— Как он вырос! — сказал Хансен, не отрывая бинокля от глаз. — Три года — большой срок... И если он меня иногда вспоминает, то что он думает обо мне?

— Он считает вас по меньшей мере самым плохим человеком на земле, — сказал полковник.

Они покинули галерею.

Машина мчалась по ночным улицам, а тем временем в зале плавательного бассейна токарь Вильгельм Гартман беседовал со своим подопечным Манфредом Лоренцом. С того самого дня, как Лоренц удрал куда-то на запад, Гартман, как мог, заменял Манфреду отца.

— Ну, брат, ты несея, как проходящий поезд!—

Гартман похлопал Манфреда по голым плечам. — Поздравляю, Манфред!

— Вообще вышло ничего, ладно, — сказал Манфред. — Да лучше нужно. Ты еще будешь здесь, дядя Вилли?

— Я на минутку вырвался. Уезжаю утром, вот зашел попрощаться.

— Ты уезжаешь надолго?

— Не очень... На одну неделю. Может быть, смотря по обстоятельствам, немного задержусь. Ну, что тебе привезти?

— Вот если бы ты достал мне такую длинную трубку, чтобы плавать под водой, но только длинную.

— Трубку? Будет сделано, Манфред, будет сделано...

Они по-товарищески простились.

— Будь здоров, дядя Вилли, — сказал Манфред.

Манфред медленно опустил руку. Потом, будто что-то вспомнив, сделал такое движение рукой, будто хотел позвать Гартмана, но тот уже затерялся в толчее у выхода из зала.

Мимо прошлепал в широких сандалиях на босу ногу тренер Манфреда Эрвин. Остановился, покачал головой.

— Что это ты сидишь, как надгробный памятник, Манфред? У тебя отличное время!

Манфред вдруг повернулся и бросился от него.

— Стой! — крикнул тренер и быстро поймал его за руку. — В чем дело, Манфред?

— Дядя Вилли уезжает, — вдруг всхлипнул Манфред.

— И это все? Не рассказывай мне сказки!
— Я хотел что-то спросить...
— Ну, что ты еще придумал?
— Хотел спросить... Винни мне только что сказал...

— Ах, Винни! Из нашей команды? Ну тогда речь идет не о плавании, в этом я уверен...

Манфред увидел, что теперь он не сможет не рассказать всего.

— Винни сказал, мне нет никакого смысла дальше тренироваться.

— Почему это? — удивился тренер. — Ты же из лучших!

— Это не важно, это все равно... Винни сказал: ты тренируешься и тренируешься, а как придет время выступать на Западе, так тебя не возьмут, потому что твой папа убежал из нашей республики.

Тренер обнял Манфреда за плечи.

— Не говори чепуху, Манфред! Ты же не виноват, что твой отец куда-то там сбежал. Никакого это не имеет значения.

* * *

Серая машина мягко неслась по асфальту. Майор, сидевший рядом с шофером, прижав наушник к уху, сказал прямо в микрофон рации:

— Вас понял, спасибо!

Дом прессы. Новый мост. Еще одна стройка Фридрихштадта. Хансен только раз или два выглянул в окно.

— Вернусь домой, а мальчик... Как мне будет

трудно его убедить... — говорил он негромко полковнику. — Да, это не легче, чем работа в Вюрцбурге.

Полковник задумчиво кивнул головой.

— Вначале будет трудно, очень трудно...

Полковник сделал короткий жест шоферу, и тот повел машину быстрее. Вскоре машина свернула на пустынную улицу вблизи здания больницы и остановилась. Полковник предложил Хансену сигарету из своей пачки. Несколько затяжек они сделали молча. Потом полковник начал говорить. Его голос звучал как-то по-особому трезво и холодно.

— Мы вас вызвали, товарищ Лоренц, вот почему. У нас есть для вас задание необычайной важности.

Хансен поднял голову. Важное задание? Это сразу же все проясняло. Он чувствовал где-то в глубине души, что означает это задание для него. Ведь потом все — прощай, Вюрцбург.

— Главное управление, — продолжал полков-

ник, — передало майору Коллинзу оперативный план для проведения операции «Е». Передало буквально на днях. Вы должны разузнать, где Коллинз прячет папку с планом. — Голос полковника вдруг задрожал от волнения, он почти заклинал. — Товарищ Лоренц, план операции «Е» нужно добыть обязательно. Он должен быть здесь, у нас. И в оригинале! Как и чем мы сможем вам помочь, об этом и давайте сейчас говорить.

Полковник стал подробно развивать разработанный им и его сотрудниками план. Хансен поразился осведомленности своих товарищей. Он даже невольно улыбнулся. План полковника незачем было изменять, он принял его сразу и сразу же поверил в него.

— Все ясно? — спросил полковник.

— Думаю, все... — ответил Хансен.

— Вот что, товарищ Лоренц. Если мы своевременно опубликуем оперативные планы противника, то тем самым нанесем ему такой удар, после которого все его подготовительные мероприятия ничего не будут стоить. Само собой разумеется, что со стороны армии будут приняты соответствующие меры, независимо от успеха или неуспеха вашей работы в Вюрцбурге.

— Понимаю, — сказал Хансен.

Майор, сидевший впереди, заканчивал очередной разговор по радиотелефону.

— Товарищ полковник, — сказал он. — Мне только что доложили: один из сыщиков прошел в отель «Рикси» и сейчас разговаривает с портье. Второй находится в машине. Он целый час следил за вторым выходом из гостиницы.

Полковник вопросительно посмотрел на Хансена. Тот улыбнулся.

— Мне пора возвращаться.

Хансен пожал руки сидящим в машине.

— Побывать дома, что может быть чудесней! Спасибо вам всем!

ЧЕЛОВЕК У СТЕНЫ

Терпение у сыщиков иссякло. Это было действительно скучнейшее задание — часами вот так сидеть и разглядывать фасад «Рикси». У них не было никакого желания дожидаться рассвета. Осторожный разговор с дежурным портье не дал никаких результатов.

— Парня нужно проверить, — проворчал один из сыщиков, доставая отмычку. — Нужно убедиться, там ли он?.. Ты оставайся в машине, а я подымусь с заднего бокового хода. Идет, Винке?

Хансен уже давно стоял за будкой телефона-автомата. Он видел, как крепыш Билл скрылся в боковом подъезде отеля. Теперь пора!.. «Лучше обожди!» — с сотню раз вбивали ему в голову во время обучения, но сейчас этот совет ему никак не мог пригодиться. Парень оставил за собой дверь приоткрытой. Хансен на цыпочках подбежал к двери и проскользнул внутрь. В полуосвещенном помещении тишина... Ни звука... Хансен бросился к лестнице. Там, во втором этаже, расхаживал кто-то — вероятно, портье. Шаги были спокойными и уверенными. Куда же девался этот парень? Взгляд Хансена остановился на металлической сет-

ке лифта. Ах, вот что, парень решил подняться на лифте! Он сейчас как раз между этажами. Мысль сверкнула подобно молнии. Молния, нарисованная ярко-красной краской на ящике с электрическими выключателями отеля «Рикси», — вот что ему нужно сейчас, вот что он искал! Хансен одним прыжком был у ящика, распахнул дверцу. Пальцы пробежали по рядам пробок; теперь быстро нажать кнопки выключателей. Одна, вторая... Свет сразу же погас во всем здании. А сейчас быстро к лифту! Где здесь кнопки, управляющие лифт на тот или иной этаж? Отправим парня по-

выше, на седьмой этаж! Теперь нужно ждать портье...

Тот появился с электрическим фонариком в руке. Тяжело вздыхая и недовольно ворча, отпер решетчатую дверь, преграждающую вход на лестницу. Вот он уже возится у электрического щита. Вспыхнул свет, и сразу же раздался шум заработавшего лифта. Билл отправился на седьмой этаж. Портье не успел повернуться, как Хансен уже проскочил по лестнице вверх, пробежал коридор и отпер дверь в ванную комнату.

Затем он быстро разобрал кровать, сбросил костюм. Скорее надеть пижаму! Он должен иметь вид человека, который спокойно спал всю эту ночь. Теперь навинтить насадку на дуло пистолета и ждать...

Не прошло и минуты, как в коридоре раздались чьи-то приглушенные шаги. Еще несколько секунд, и ручка двери дрогнула. Парень умело работал отмычкой. Хансен был наготове и, когда ручка повернулась до отказа, резко распахнул дверь.

Билл перепуганными глазами уставился в черный зрачок пистолетного дула. Хансен свободной рукой достал пистолет из кобуры, висевшей на левой подтяжке Билла, и, указав на стену своей комнаты, скомандовал:

— Смелее, малыш!

Билл хотел обернуться, но, поглядев на бесшумный пистолет в руках Хансена, повиновался.

— Повернуться к стене! Вот так... — деловито распоряжался Хансен. — Лицом к стене! Обопрись ладонями! Ноги дальше, еще дальше... Ты же сам знаешь, малыш!

Билл теперь стоял в положении, которое полностью исключало бегство. Достаточно было оторвать от поверхности стены хотя бы одну руку, как он неминуемо должен будет упасть. Положение было более чем неудобное. Билл застонал.

— Спокойно, малыш! Нужно немного потерпеть!

Хансен подошел к телефону, не отрывая взгляд от Билла, поднял трубку.

— Мне станцию, будьте добры...

— Хеллоу! Это вы, Хансен? Что случилось?..

У вас посетитель? Какой посетитель?.. Откуда?.. Бросьте ваши штучки, Хансен!.. Вы думаете, из восточной зоны? Ах, так... Никакого шума, Хансен! Не нужно привлекать внимание... Ваш номер комнаты?.. Этаж?.. Хорошо, мы сейчас приедем.

Коллинз бросил трубку.

— Чертов парень! — выругался он.

Хансен выглядывал из окна, приподняв што-ру, когда в его номер ввалился Коллинз. Вид Коллинза позабавил Хансена. Майор стоял посредине комнаты, широко расставив ноги, красный от возмущения. На Хансена он не смотрел. Все его внимание занял «разведчик из восточной зоны», который все еще стоял у стены, повесив голову. Потом он покорно протянул руки, и Коллинз застегнул наручники.

— Второй удрал на машине, майор, — сказал Хансен.

— Поймаем, не уйдет, — ответил Коллинз и, обращаясь к кому-то за дверью, сказал: — Уведите этого парня.

В комнату вошли двое в штатском, и Билл, понуро наклонив голову, вышел за ними.

— Как это случилось? — спросил Коллинз.

Хансен спокойно свинчивал насадку с пистолета. Повернувшись спиной к Коллинзу, открыл тумбочку.

— Да я за этими ребятами наблюдаю уже три часа, майор!

— Ну уж сейчас можете спокойно ложиться спать, — покровительственным тоном произнес Коллинз. — Зеленые парни, Хансен... — продол-

жал он, доставая сигареты. — Но вот что, портье ничего не знает! Отель имеет боковой вход.

— Здорово сделано, шеф. Ни у кого никаких подозрений.

Хансен присел на край кровати и спокойно зевнул.

— Ну и устал я, майор! Вы уж извините меня...

— Что за разговор? Сейчас же ложитесь спать! — в голосе Коллинза прозвучала прямо-таки отеческая забота. — Какой сейчас час?

— Половина первого, майор.

— Ну тогда мы еще поспим, Хансен. Наша машина вылетает точно в десять утра.

Он кивнул Хансену и вышел из номера.

У ПАРНЯ ХОРОШАЯ ХВАТКА

Однообразные длинные бараки находились под двойной охраной военной полиции. Даже внешне эти бараки производили неприятное впечатление; бежать отсюда — вот мечта каждого, кто по тем или иным причинам попадал сюда хоть на короткое время. Исключая те несколько бараков, в которых жил персонал, все остальное было тайной даже для самой полицейской охраны. Кстати сказать, охрана регулярно сменялась.

Окна бараков были старательно закрашены изнутри белой краской. Двери всегда тщательно запирались. Преподавательский персонал, состоящий либо из американских офицеров, либо из людей типа знакомого уже нам Шукка, усердно муштровал за закрашенными белой краской окнами тех,

кого сюда присылали из разведывательных центров. Обучающиеся готовились для «специального назначения».

Здесь, в этих бараках, Хансен и выловил одного человека. Теперь пришла пора показать его майору.

Хансен и Коллинз с полчаса тащились по голому, выжженному солнцем лагерю. Дорожка, посыпанная рыхлым песком, вела к последнему барaku. Решетчатое ограждение отделяло этот последний барак от остальных сооружений.

Дорога по песку утомила майора. Он обернулся к Хансену,

— Вы действительно думаете, Хансен, — сказал он, останавливаясь, — что нашли то, что нужно? Это чертовски трудно, я понимаю, найти человека на роль «капитана из Панков». Да и все дело с правительственным телеграфом меня очень волнует. Полковник Рокк без восторга говорит о нашем Вюрцбургском отделении. Это, конечно, касается меня больше всего, но и вас касается, Хансен, вас также...

— Сделал, что мог, майор. Лучшего человека нам не найти, даже если будем его искать целый год. Сами увидите.

Обычные формальности перед входом в барак. Наконец майор и Хансен вошли в большую комнату, уставленную всевозможными «учебными пособиями». Ученик тоже был здесь. Это человек богатырского роста и великолепной выправки. У него выразительное интеллигентное лицо. На широких плечах мундир офицера народной полиции ГДР. При виде Коллинза и Хансена он взял под

kozyрек, и это движение было настолько точным и достоверным, что Коллинз невольно вздрогнул.

На столе были приготовлены бумаги. Коллинз внимательно стал просматривать удостоверения народных полицейских, пропуска, семейные фотографии, метрические выписки. Тут же были «пособия», которые использовал Хансен для подготовки «капитана из Панков»: пачки газет, издаваемых в Германской Демократической Республике, множество журналов. На другом столе находилось то оборудование, которое должен был взять с собой «ученик». Среди прочего миниатюрная рация. Наконец Коллинз подошел к большим стендам, на которых в определенном порядке были помещены многочисленные фотографии внутренних помещений правительственного телеграфа в восточной части Берлина.

Майор удовлетворенно кивнул Хансену и сразу же в ошеломительно быстром темпе стал задавать вопросы его ученику. Вопрос следовал за вопросом.

«Ученик» отвечал мгновенно, точно, без колебаний. Майор благожелательно посмотрел на Хансена.

— Все ясно, майор? — спросил Хансен.

— Думаю, все...

Коллинз еще раз окинул фигуру агента оценивающим взглядом.

— Запомните, — сказал он. — Радиосвязь с нами под условным названием «Заяц». По получении сигнала о начале операции «Е» вы со своей группой занимаете здание правительственного телеграфа. Выдаете себя за офицера народной по-

лиции. При сопротивлении — действовать решительно.

Коллинз сделал красноречивый жест рукой. «Ученик» вытянулся. Четко ответил:

— Так точно! Вас понял, господин майор.

— Благодарю за службу! Можете идти!

Лжекапитан четко повернулся на каблуках и вышел из комнаты. Коллинз и Хансен проводили его взглядом.

Коллинз щелкнул языком.

— У парня есть хватка, Хансен... Поздравляю вас.

Хансен кивнул и быстро спросил:

— Кто будет его переправлять?

— Шукк в Нюрнберге... Вы один его переправите. Сегодня же. По возвращении доложите.

— Будет сделано, шеф!

Вечером того же дня майор государственной безопасности в восточной части Берлина попросил зайти в свой кабинет дежурного офицера. Он протянул вошедшему лейтенанту телеграмму. В телеграмме было всего четыре слова:

«ПОХОРОНЫ СЕГОДНЯ. ФРАНЦ».

— Оттуда, — сказал майор.

— Мы сейчас же выезжаем, товарищ майор. Но наш человек пошел на большой риск, посылая эту телеграмму.

— Да, это неожиданность. И гость, которым вы сегодня ночью займетесь, из опасных...

Хансен молча привел агента в тот лесок, где находился «шлюз» через границу. Они приехали сюда сразу же после полуночи. Время от времени Хансен бросал взгляд на комбинезон своего ученика, сквозь который прорисовывались контуры офицерского мундира. Агент перед самой границей вытащил пистолет и хотел его перепрятать так, чтобы было легче достать в случае опасности, но Хансен отсоветовал это делать.

— Спрячьте его лучше поглубже. Иначе он будет мешать вам, когда станете ползти в трубе.

Хансен в свое время подверг своего ученика самым строгим испытаниям и знал: добрая порция интеллигентности вполне уживается в нем с какой-то редкой бессовестностью. Опасная смесь!..

Агента звали Визенберг. Хансен отобрал его на основании данных картотеки, но после первого же знакомства нисколько не сомневался, что лучшей кандидатуры на роль «капитана из Панков» Коллинзу не найти.

Ночь была светлой. Хансен привел агента к сосне, движением руки показал: «садись и жди». Потом залез в развилку и поднес к глазам бинокль.

Время было выбрано правильно: по ту сторону вспаханной полосы от лесной тени отделилась группа пограничников. Вот они вошли в полосу лунного света, на мгновение остановились, и Хансен ясно различил в бинокль их лица под стальными шлемами.

Солдаты продолжали свой путь. Внизу, под

сосной, скрытый кустарником агент нетерпеливо кашлянул. Хансен спустился вниз.

— Успокойся, — сказал он Визенбергу. — Через пять минут будешь на той стороне.

Лицо Визенберга вытянулось. Хансен поднял руку.

— Приготовься!

Агент, зажав в зубах электрический фонарик, стал на четвереньки. Хансен выждал некоторое время и затем скомандовал:

— Ну, давай! Прямо к ежевичной изгороди!

Визенберг пополз. Он двигался быстро, ловко и абсолютно неслышно.

Хансен проводил его до опушки. Потом Визенберг переполз поляну, без всякого труда отыскал вход в трубу и моментально исчез. Послышалось легкое шуршание, и все...

Хансен медленно вернулся к сосне и вновь забрался в развилку. Биноклем отыскал то место, где должен быть выход из «шлюза». Вот появился из-под земли Визенберг. Он постоял секунду-другую, будто к чему-то приюхиваясь, и скользнул в сторону леса. Хансен одобрительно следил из своей развилки за ним. Теперь Визенберг был в «полной безопасности!».

КУСОК МЫЛА

Коллинз все время порывался в Гармиш, ведь это не так уж далеко и никто не заметит, но срочные дела никак не давали ему покинуть Вюрцбург. И вдруг черноволосая Лиз появилась собст-

всейной персоной, как с неба свалилась. Просто так позвонила и сказала, что она в Вюрцбурге и ждет его в привокзальном ресторанчике. В Вюрцбурге она проездом, и у нее не больше часа времени.

Коллинз нашел Лиз обворожительной, посвященной, еще более привлекательной, чем он рисовал ее в своих мечтах. Коллинз требовал, чтобы Лиз задержалась в Вюрцбурге, но Лиз только наклонила чудесно причесанную головку.

— Не будь злым, Тэдди! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь. Потерпи, я пришлю тебе телеграмму. И тогда ты приедешь в Гармиш.

Коллинз повернул ее руку, глянул на часы.

— Когда уходит твой поезд?

— Через десять минут... А ты приедешь ко мне в Гармиш?

— Ты еще спрашиваешь! — воскликнул Коллинз.

У майора Коллинза были еще дела, но, проводив Лиз, он просто не смог сразу вернуться к своей «солидной» и трезвой работе. Прямо с перрона он прошел в тот же самый отель, где они только что сидели с Лиз, сел за тот же самый столик и медленно осушил бокал с «большим виски», потом заказал еще и еще. Алкоголь окрылил его фантазию. Он даже нашел, что ему повезло в жизни. Да, при всех обстоятельствах ему исключительно повезло...

Коллинз подъехал к своей «Конкордия» экспорт-импорт» в двенадцатом часу ночи. Бесшумно от-

крылись ворота. Из темноты вынырнул Франтишек. Коллинз лихо развернулся, но бокалы с «большим виски» дали себя знать: плавной кривой не вышло, а передние колеса его машины въехали на цветочную клумбу. Мощный мотор взревел еще раз, и машина остановилась. Франтишек бегом бросился к ней, чтобы приветствовать шефа с благополучным прибытием. Майор что-то проворчал и исчез в своем домике, а Франтишек, садовод по призванию, — а кто в Чехословакии не любит цветов, и особенно в Пардубице, — посмотрел вслед исчезнувшему майору долгим взглядом.

— Верблюд! — вырвалось у него. — Бегемот!

Франтишек прошел за перегородку, достал оттуда грабли и садовую лопату и, став перед поврежденной клумбой на колени, попытался поднять смятые цветы. Он вновь почувствовал себя несчастным. И цветы не хотели выпрямляться, и вообще к чему он бросил свое родное Пардубице? Ради чего? Ради бездомной жизни? Ради бесконечных странствий? А ведь у него были и специальность и дом... Там, в Чехословакии...

Особенно трудно было вначале... Какие только профессии он не перепробовал, пока один из вербовщиков Коллинза не «оформил» его вступление в армию. Конечно, изголодавшийся и оборванный молодой чех был легкой добычей.

Так уж случилось, что Коллинзу как раз в это время понадобилась прислуга на все руки. Франтишек подвергся испытаниям и был признан годным.

Он часто размышлял над своей судьбой, но ни-

какие размышления не помогали: то, что его волновало, имело вполне определенное название — тоска по родине, вот как это называлось. А об этом поговорить было не с кем. Узнает майор и немедленно отошлет его обратно в лагерь.

Шукк всегда отталкивал Франтишка: тупые острофы — больше от него ничего не жди. А Хансен?.. И на Хансена особой надежды нет. Конечно, Хансен единственный, кто считает его, Франтишка, человеком, даже иногда расспрашивает о личных делах. Но было и нечто такое, что полностью исключало сближение между ними. При всем своем дружелюбии Хансен казался Франтишку выгсапным из одной монолитной ледяной глыбы. Разве он станет слушать о таких незначительных вещах, как тоска по родному Пардубице?

А цветы опять поникли... И все его усилия привести клумбу в прежний вид безнадежны. Франтишек стал выкапывать помятые цветы, как вдруг ворота снова бесшумно отворились и во двор въехал «фольксваген» Хансена. Машина остановилась перед главным зданием. Хансен вышел из машины и удивленно посмотрел на садовника-полночника.

— Что случилось, Франтишек? — спросил он.

Франтишек кивком указал на машину шефа.

— Майор? Он что, приехал?

— Верблюд в конюшне, — в голосе Франтишка прозвучала враждебная нотка.

Хансен уже направился к дому майора, но, услышав замечание Франтишка, резко повернулся.

— Подобных вещей я не хочу слышать! — сказал он строго.

Франтишек по-военному вытянулся. Даже грабли прижал к себе вместо оружия. Пистолет-пулемет выскользнул из-под куртки и с шумом упал на землю.

— Прощу прощения. Майор у себя! — отчеканил он.

Еще на пороге Хансен услышал далекое от мелодичности пение майора. Дверь оказалась незапертой. Хансен толкнул ее и вошел внутрь. Майор стоял под душем, подставив голое тело под хлещущие струи. Он высоко поднял руки и громко распевал какую-то воинственную песню. Было ясно, что у шефа отличное настроение.

— Хеллоу, майор!

Коллинз оборвал пение и попытался задвинуть клеенчатую занавеску.

— Не утруждайте себя, майор, — сказал Хансен. — Это уже бесполезно.

Майор расхохотался.

— Что, уже вернулся? Ну как, все в порядке?

— Все о'кэй, шеф. Даже не знаю, что еще сможет помешать.

— Чудесно! — донеслось из душевой. — Знаете, Хансен, с этим «шлюзом» мы когда-нибудь прославимся. Ну кто может себе представить самую обыкновенную трубу и что по этой обыкновенной трубе разгуливают наши люди туда и назад, туда и назад на протяжении нескольких лет!

Хансен кивнул.

— Я тоже об этом думал, шеф. Ну, а наш лесник? Он ведь в полном доверии у пограничников. Даже стал членом общества добровольцев, охраняющих границу.

— Лишь бы он не засыпался...

— Никогда! — Хансен сделал международный жест, сложив пальцы в щепоть и потеряв их друг о друга.

— Денежки, шеф! Наш лесник родной папочка трем деткам в трех разных деревнях. Помимо своего собственного в сторожке. Это чего-нибудь да стоит...

— Да, любовь — это не дешево обходится, — философствовал Коллинз. Потом выглянул из-за занавески и обвел комнату взглядом.

— Хансен, будьте так добры, в моем столике должен быть кусок мыла.

Хансен подошел к столику шефа. Взгляд его упал на стоящее рядом кресло, через его ручку висели небрежно брошенные брюки шефа, а из кармана — вот удача! — выглядывала связка ключей. Два, три, четыре ключа, и среди них ключ поменьше... Этот, должно быть, от... у Хансена захватило дыхание.

— Ну как, нашли, Хансен? — пробулькала под душем Коллинз.

Хансен открыл ящик.

— Да, шеф, нашел...

Здесь было несколько кусков мыла. Хансен развернул пластмассовую обертку с одного из них и протянул брусок мыла шефу.

— Вот спасибо! — сказал Коллинз. — Знаете ли, Хансен, после работы нет ничего лучшего, чем горячий душ.

Хансен ответил совершенно инстинктивно:

— Да и я бы не прочь принять душ... Вот только у меня нет мыла.

Коллинз продолжал брызгаться под душем, как морж.

— Что за разговоры, Хансен? Возьмите у меня, дружище! Там должен быть еще один кусок...— Майор снова запел что-то старинное. — «Слава! Слава! Аллилуйя!» — фальшиво выводил его громкий голос.

Хансен медленно огляделся. «А если попробовать...» — пронеслось в голове. Он быстро достал из кармана нож и разрезал кусок мыла пополам. Нужно было поддерживать разговор с майором, и Хансен уже открыл рот, как майор неожиданно предложил:

— Может быть, виски хотите, Хансен? Там, на холодильнике, должна быть почти полная бутылка.

— Благодарю вас, мистер Коллинз! Но мне еще нужно сегодня кое-куда съездить.

Хансен сделал шаг назад и теперь стоял рядом с кроватью Коллинза. Из-за занавески выглядывала рука майора с зажатой в ней воронкой душа. Вот Коллинз всю повернул кран, и шум водяных капель стал еще сильнее. Хансен мгновенно наклонился и, поместив самый маленький ключ из связки между половинками разрезанного бруска мыла, сильно сжал руки. Оттиск получился отличный! Теперь быстро счистить остатки мыла с ключа, вот и все...

Майор неожиданно прервал свое пение.

— Послушайте, Хансен! Вы ту даму из «Золотой подковы» помните?

Хансен бесшумно вложил связку ключей в карман.

— Представьте, она нанесла мне сегодня визит! — Коллинз самодовольно захохотал.

Хансен ответил тотчас же:

— О, это мило!..

...Коллинз уже храпел, когда Хансен после великолепного душа на цыпочках покинул его комнату.

НО КТО ЖЕ ВТОРОЙ?

Минут через десять в вестибюле казино крючкомосый Чарли удивленно восклицал:

— Ах, господин барон, да вы в самом деле ночной гуляка! В такой поздний час? Но готов служить, господин барон.

Странная усмешка скользнула по лицу Чарли, когда Хансен, наклонившись к нему, сказал:

— Слушай, Чарли, у тебя, кажется, есть братец?

Чарли покорно опустил плечи.

— Он сейчас здесь, в казино... У вас есть к нему дело?

— Срочная работа...

Чарли через плечо показал на главный зал.

— Он сидит за столиком в нише, направо от бара. Но погодите, господин барон, мы лучше всего подойдем к нему вместе.

Братец Чарли вел непринужденную беседу с тремя размалеванными дамами и недовольно взглянул на Хансена, когда тот с Чарли подошел

к столу. Братец оказался этаким крепким бычком лет тридцати, волосы в беспорядке, лицо грубоватое, но с хитрецей; сразу же бросались в глаза его руки: холеные, ловкие, они беспокойно вертели пустую рюмку.

Чарли роздал собеседницам брата жетоны.

— Ну-ка, исчезните на пару секунд, мои милые! Поищите счастья. Макс скоро освободится.

Женщины сразу же исчезли. Чарли подтолкнул Хансена, деловито подмигнул и скрылся в вестибюле. Хансен подсел к Макс.

— Хеллоу, Макс! — сказал он.

Макс взглянул на него искоса.

— Давай покороче!

— Есть подходящая работенка. Без всякого риска.

Макс иронически ухмыльнулся.

— Так все говорят. Давай выкладывай!

— Нужен ключ.

— А с чего делать?

Хансен развернул бумагу и пододвинул Макс разрезанный кусок мыла. Макс раскрыл половинки куска, мельком взглянул на оттиск. Потом аккуратно завернул в бумагу и положил перед собой.

— Двести пятьдесят, — сказал он.

Хансен присвистнул сквозь зубы. Макс тотчас же пододвинул ему сверток.

— Как знаешь... — сказал он.

— О'кэй, — быстро ответил Хансен. — Но когда будет готово?

Макс наморщил лоб.

— Послезавтра. Сотню сейчас.

Хансен достал бумажник, отсчитал деньги и хотел было уйти, но почувствовал: еще не все... Макс налил себе рюмку, предложил:

— Выпьешь одну?

— Сейчас нет... Позже.

Макс опрокинул рюмку в рот и, наклонившись над столом, сказал:

— Точно такую вещичку я уже разок сделал дня два назад. — Он неодобрительно покачал головой. — Двое на один сейф! И под разными фирмами. Ничего не выйдет, старик.

— Двое...

Хансен почувствовал, что не может двинуться с места. Черт возьми, но кто еще затесался в иг-

ру? Да правда ли, что есть еще кто-нибудь другой? А если это так, то кто именно мог интересоваться сейфом Коллинза? Шукк?.. Возможно, но только возможно...

— Макс! Пять бумаг, только скажи мне, кто второй?

Но у Макса была своя профессиональная честность. Он демонстративно перевернул пустую рюмку и поставил ее кверху ножкой на стол. С ним было бессмысленно разговаривать. Макс улыбнулся сочувственно.

— Поищи сам...

...Кто же второй?.. Хансен провел эту ночь без сна, впрочем, Коллинз послал за ним Франтишка в бог знает какую рань. Майор сидел за своим письменным столом совершенно трезвый и отдохнувший. С некоторой важностью он просматривал бумаги.

Майор указал Хансену на стул и продолжал копаться в бумагах.

— Садитесь, садитесь, Хансен... Да, скажите мне, знаете ли вы некоего Гартмана? Вильгельм Гартман... Вы когда-нибудь слышали это имя?

«Вилли Гартман! — Хансен почувствовал, как сразу же пересохло в горле. — Только хладнокровие, — думал он, — только спокойствие! Что это все означает? Испытание? Подозрение? Или провокация?» За все три года опасность ни разу так не была близка. Взглянул на руки: жилки на руках набухли. Это состояние продолжалось какую-

то долю секунды. Почувствовал твердый взгляд Коллинза.

— Вильгельм Гартман... Знал когда-то такого, и даже хорошо, хорошо знал...

Коллинз шуршал листками телеграмм, что-то разыскивая.

— Прибыл он из Берлина и выступал со всяким политическим вздором перед рабочими. — Коллинз вдруг утратил бюрократический тон. Да какие основания у него не доверять Хансену? Потом вспомнил разговор с полковником Рокком и его предупреждение: «В нашем деле подозрительны все. Это основное правило...» У него было неприятное чувство, когда он читал эту телеграмму из Франкфурта... И страх. Хансен смотрел на него испытующе.

— Так в чем дело? Я-то тут при чем?

Коллинз сделал над собой усилие и продолжал бесстрастно:

— Этот Гартман арестован. Сейчас им занимается Шукк. Пока никаких результатов. Главное управление отдало распоряжение, чтобы вы, Хансен, занялись им лично.

Хансен молчал. В глазах у Коллинза ирония.

— Они, видите ли, чего-то там ждут от всего этого.

Хансен ответил равнодушно:

— Пусть думают что хотят. — Ему ужасно захотелось окончить этот разговор. И выйти на воздух. И побыть одному.

— Выезжайте сейчас же в Нюрнберг, — сухо сказал Коллинз. — Сейчас же... И займитесь этим человеком.

ДИЧЬ И ОХОТНИК

Хансен оглядел комнату. Здесь обычно допрашивали сотрудники военной полиции. По пути в Нюрнберг Хансен многое обдумал и сейчас вслепую понимал, что встреча с Вильгельмом Гартманом будет самым тяжелым испытанием в его жизни. Ему было ясно, что те допросы, которые предварительно вел Шукк, не что иное, как фарс. На самом деле их интересовал он, Хансен. И полковник Рокк и другие офицеры из главного управления привыкли подозревать всех, его же «преданность» они вообще ни в грош не ставили. За прошедшее время—почти три года—Хансену не всегда удавалось так все организовать, чтобы частые провалы агентов объяснялись вполне естественными причинами. Иногда устраивались извне несчастные случаи. Два или три раза Хансену лишь с большим трудом удавалось убедить майора, что осечка вызвана ошибками самого агента. Коллинз и сам размышлял перед каждой очередной поездкой в главное управление, а таких поездок было немало. Правда, это объяснялось не только его стремлением проникнуть в суть происшедших событий. Дело обстояло проще. Майор очень хотел быть на хорошем счету у генерала. К тому же ему действительно очень хотелось, чтобы его работа была замечена наверху. И в первом и во втором Хансен был абсолютно уверен. Он знал также: Коллинз сочтет совершенно невероятным, что его лучший человек, которого он сам выбрал и обучил, окажется в чем-то ему неверным. Полковника Рокка обмануть будет намного труднее, это было ясно. И так

же ясно было и то, что отношения между главным управлением и Вюрцбургом резко обострились за последние недели.

Инстинктом охотника, ставшего на этот раз дичью, угадывал Хансен — тут-то и лежит главная опасность. Возможно, даже очень правдоподобно, что полковник Рокк вовсе и не подозревает самого Хансена, а имеет в виду весь Вюрцбургский центр в целом.

Как следовало из телеграммы, полковник Рокк, арестовав коммуниста Гартмана и узнав, что тот знаком с Хансеном, использует подвернувшуюся возможность, чтобы испробовать свои психологические тесты. Это было естественно, это вытекало из всех воззрений полковника на подобные дела. Таков был враг Хансена, его поле битвы, его силы.

...Хансен осмотрел стол. Четыре мощные лампы перед столом направлены на то место, которое через несколько минут займет Гартман. Тут же на столе имущество Гартмана, отобранное при аресте: наручные часы, связка ключей, обручальное кольцо, бумажник, разные бумаги, маска с длинной трубкой. Детская игрушка... И это было все. Хансен поставил на стол один из двух микрофонов и просчитал:

— Один... два... три... четыре... пять...

В динамике раздалось:

— Благодарю вас, сэр. Все о'кэй.

Хорошо... С этим покончено... Он готов. Хансен бросил взгляд на часы — время его не интересовало, он даже не запомнил, который был час, — и

вышел в соседнюю комнату, где военный техник во-
зился с магнитофоном.

На стене комнаты, где должен был происходить допрос, было укреплено огромное квадратное зеркало. Отсюда это зеркало выглядело как чистое и прозрачное окно. И тот, кто подвергался допросу, и тот, кто вел допрос, будут отсюда видны как на ладони. У этого окна остановился Хансен. Техник повернулся к нему.

— Как, сэр, приказать, чтобы ввели его?

Хансен кивнул. Солдат нажал на клавишу. Через минуту в дверях показался военный полицейский в каске и рядом с ним Гартман. Полицейский указал на стул перед письменным столом, а сам застыл у двери.

Гартман огляделся и сел на стул. Он выглядел очень усталым и постаревшим. Много старше, чем Хансен его помнил. Он почувствовал, как забилося у него сердце. Впервые в жизни... Прислонил лоб к окну и так стоял, ощущая холод зеркального стекла.

Техник поднял голову.

— Готово, сэр?

Хансен, не оборачиваясь, ответил:

— Дайте ему еще пару минут.

Техник откинулся в кресле, достал сигарету. Хансен все смотрел и смотрел через окно.

«...Гартман... Вильгельм Гартман... Помнишь ли ты, как мы вдвоем погибали там, в Сталинградском котле. Два несчастных пехотинца «преславной шестой армии». Помнишь, нас назначили в дозор, и ты протянул мне листок бумаги. Пропуск в жизнь...

Ты только посмотрел на меня. Твои глаза горели на исхудавшем лице. А когда я тебе вернул пропуск и кивнул, тогда наша дружба победила многое, очень многое... Победила навсегда.

В сожженном цеху мы в кровь обдирали руки о ржавое листовое железо, ты помнишь те дни, Гартман, старый дружище? А то серое ноябрьское утро, когда я «дошел»: обессиленный голодом, в озлоблении швырнул в угол молоток, еще минута, и я ушел бы из цеха навсегда. Разве не мало людей поглотил тогда черный рынок, спекуляция, уголовщина? Тогда ты достал свою сумку. Две морковки были в сумке — твой «рацион» на весь день. Ты положил их на лист железа и подтолкнул ко мне. Я руку твою помню, Гартман!.. А помнишь ли маленькую комнатку на Меллендорфштрассе в районе Лихтенберга. Электрический свет исчезал тогда часто и надолго. Печь беспрестанно гасла, иногда ее нечем было разжечь... Мы зажигали старую керосиновую лампу, и в ее свете твое дыхание клубилось в холодном воздухе комнаты. В то время мы еще копались на пустовавших полях. Лопатами, что постоянно гнулись. Черные тени легли под твоими глазами. Но глаза твои горели прежним огнем. Глаза твои были самой живой, самой убеждающей демонстрацией, наглядным пособием, что ли, к твоим лекциям, трезвым, но устремленным к звездам лекциям. Всегда на твоем столе лежали брошюры, карандаши и блокноты, а стол был стар и хром, и крышка его была когда-то кем-то до нас изрублена.

Помнишь, дружище, как в комнату вошла Эдит?.. Два кусочка хлеба с повидлом она несла на

тарелке. Манфреду тогда было только несколько недель... Ты взглянул на кричащий, плачущий сверток в углу и положил назад свой кусок хлеба. А я уже съел свой чуть не весь... Весь вечер я не мог смотреть тебе в глаза. В те дни я и стал коммунистом...»

— Не пора ли, сэр?

Хансен сделал нетерпеливый жест рукой.

— Сейчас, сейчас...

МАСКА

По ту сторону окна-зеркала Гартман поднял голову. Его взгляд привлекла маска для плавания, лежащая на столе. Он уже знал, что это было «убедительное вещественное доказательство» его «диверсионной деятельности».

«Манфред, — подумал Гартман, — долго придется тебе ожидать обещанного подарка».

А мысли Хансена были все еще далеко. Перед его глазами кладбище в тот день, когда они похоронили Эдит. У могилы собрались товарищи, друзья. Потом все ушли. Остались только трое: Гартман, Манфред и он. Манфреду было тогда уже десять лет. Тяжело было смотреть на мальчика. Гартман обнял его за плечи и повел между могилами к выходу. Он помог им перенести это тяжелое горе...

Техник вновь потерял терпение. Он кашлянул. Хансен быстро повернулся. Казалось, он был полон энергии: больше оттягивать нельзя.

— Начинаем! — сказал Хансен и вошел в комнату, где сидел Гартман.

Техник нажал на клавишу, и кассеты магнитофона пришли в движение.

Гартман вскочил со стула, когда увидел Хансена. Он посмотрел на него так, будто увидел привидение. Его лицо стало беспомощным. Затем он понял, в чем дело, и тяжело опустился на стул.

Хансен перелистал бумаги, лежащие на столе, и стал задавать вопросы холодным, ровным голосом. На большинство вопросов Гартман вообще не отвечал, на некоторые только отрицательно качал головой. И тогда Хансен укоризненно заговорил:

— Возьмите себя в руки, господин Гартман. И оставим чувства для лучших времен, если вам вообще можно надеяться на эти лучшие времена... Вы, вероятно, узнаете меня, господин Гартман?

Гартман устало наклонил голову.

— Вспоминаю... Вы тогда выдавали себя за коммуниста... Но были только предателем. Сейчас это для меня ясно...

Голос его прозвучал враждебно. Но это был такой знакомый голос. Голос старого друга. Хансен на мгновение закрыл глаза. Потом сказал холодно и совершенно безучастно:

— Отвечайте на мои вопросы. Больше ничего. Кто послал вас в Нюрнберг?

Гартман ответил коротко:

— Об этом меня уже спрашивал ваш предшественник. Это все сплошное безобразие. Я рабочий и говорил с рабочими. Это все. Для этого меня не нужно было кому-то посылать.

— Все? — Лицо Хансена было совершенно хо-

одно. Он наконец-то полностью взял себя в руки.

— Вы были посланы, Гартман. Не забывайте, мы напрактикованы в этих делах. Почему вы не хотите признать хотя бы того, что являетесь орудием, только орудием? Инструментом...

— Если в этой комнате и находится какой-либо инструмент, то только вы, господин следователь!

Хансен прищурил глаза.

— Это наглость, господин Гартман. Не забывайте, что вы арестованы военной полицией. Ваше положение кажется мне прескверным...

— А вот мне кажется, что ваше положение хуже, господин следователь!

Неплохо парировал старый приятель! Внутренне Хансен даже улыбнулся.

— Гартман, ведь вы интеллигентный человек. Вы сможете сделать у нас отличную карьеру. И единственное, чего мы от вас хотим: учтите свои шансы. Разве мы требуем очень многого?

Гартман улыбнулся плотно сжатым ртом.

— Благодарю вас... Конечно, я был в свое время дураком, посчитав вас коммунистом. Но я не полный идиот. Думаю, такой ответ вас вполне устраивает.

— Но это просто нелепо! — Голос Хансена звучал дружелюбно. — Идиот или не идиот, этим мы сейчас не занимаемся, Гартман! На Западе лучше дело обстоит с идеями, на Западе лучшие перспективы, уж это слово вы хорошо понимаете. Но, видно, нужно время, чтобы все это поняли.

Хансен замолчал, а Гартман сказал, наклонив голову чуть набок:

— Парень, парень! Ты еще хотел когда-то переделывать весь мир!..

Хансен вскочил на ноги, будто возмущенный этим ответом.

--- Бросьте ваши шуточки! Извольте точно отвечать на мои вопросы. Вы сами препятствуете тому, чтобы с вами говорили человеческим языком. Хорошо, у нас есть и другие возможности.

Он взял со стола трубку для подводного плавания, будто забавляясь, провел по ней ладонью. Потом направил безобидную вещицу в лицо Гартману.

— Это было найдено в ваших вещах, Гартман. Трубка...

В глубине сознания Гартман нашел этот вопрос забавным. Он даже подумал: «Знал бы ты, подлец, что ты держишь в руках!»

— Да это детская игрушка, — сказал он громко.

— Вы в этом уверены?

Хансен встал и обошел стол кругом. Ему трудно было выносить взгляд Гартмана.

— С такой трубкой умелый человек может проплыть под водой значительное расстояние. К примеру, вблизи установок военного значения.

Гартман разозлился.

— Эту чепуху мне говорил и ваш предшественник.

Хансен швырнул трубку на стол.

— Послушай, ты! Это тебе просто так не сойдет, это твое упрямство... Да мы можем за военный шпионаж дать тебе два года отсидки, а то и больше!

Хансен изнемогал. Там на стуле сидел его самый близкий друг, заменивший его Манфреду отца.

И в то же время малейшая ошибка с его стороны — и он погиб. Но и это не все... А его задание? Кто, кроме него, сможет достать эти проклятые планы операции «Е»? Но и жизнь Гартмана в величайшей опасности! А Манфред? Он будет совсем одинок... Может быть, как раз в этот момент прозвучал голос Гартмана:

— Мне жаль только того мальчика, для кого куплена эта игрушка...

Хансен услышал свой голос как будто бы со стороны:

— Мальчик? Какой мальчик? Мальчик из Федеративной республики? Или оттуда?

— Лучше не спрашивайте, господин следователь...

Хансен почувствовал, что его силы иссякли. Он стал искать способ прекратить допрос. Но потом понял: он должен вести этот допрос до конца, на то есть очень важные основания. Это не Гартмана проверяют. Проверяют его, Хансена. И вполне вероятно, что за зеркалом-окном стоит сейчас кто-нибудь из управления и следит за каждым его словом, за каждым жестом. А кто это может быть, кроме полковника Рокка? Нет, нужно продолжать, нужно продолжать...

— Так что это за ребенок? Откуда? Откуда он?..

Гартман поднял голову так угрожающе, что военный полицейский бесшумно подошел к нему сзади и стал за его стулом.

— Со мной вы можете делать, что вам угодно, господин следователь! Но у мальчика с вами нет никаких дел!

„ПРОМЫВКА МОЗГОВ“

Эта последняя фраза Гартмана прозвучала еще один раз, в кабинете генерала во Франкфурте. Все остальное не интересовало полковника, и он выключил магнитофон. Генерал, прислонясь к широкому окну, наблюдал за уличным движением. Солнце заходило, и какой-то заблудившийся лучик коснулся его седины. Генерал обернулся. В раздумье взглянул на полковника. «Молод еще, — думал о нем генерал. — Завидно молод! А пойдет далеко. Лет через пять будет генералом, если все пойдет гладко. А вообще неприятный тип. Такой и последнюю рубашку снимет, только зазевайся». Генерал подошел к столу, достал трубку, коробку с табаком.

— Так... Ну и что же было дальше? — спросил он, закуривая.

Полковник Рокк снял очки и принялся тщательно протирать их чистой тряпочкой.

— Так шло еще два часа. Человек этот всего лишь мелкий коммунистический агитатор. Сам по себе для нас интереса никакого не представляет. Передадим его судебным органам боннской республики, и дело с концом, отсидит свой срок. А хотелось мне показать эти записи допроса вот почему. Не могу избавиться от чувства, что с Хансеном что-то неладно.

Генерал глубоко засунул руки в карманы пиджака и принялся вышагивать вокруг длинного стола для заседаний. «Наконец-то!» — подумал Рокк, хорошо знавший эту привычку генерала.

— Вы не забыли, полковник, что Хансен — од-

из из способнейших наших голов? И человек он с идеями, особенно когда дело касается Востока...

Полковник недовольно оттопырил губы.

— Но за последний год мы как раз там потеряли около ста человек. Я не думаю, чтобы сотрудники управления государственной безопасности набирались там из ясновидящих.

Генерал перестал маршировать и принялся рассматривать носки своих ботинок. Он гордился своими маленькими ступнями и в глубине души не сомневался, что в любой обуви и любом костюме производит сильное впечатление на окружающих. В управлении бродил слухок, что еще тогда, когда он был полковником у Эйзенхауэра, он самовольно отложил на день выполнение какого-то важного задания, так как у него не было подходящей обуви. Было это будто бы в Нормандии, и из-за этого одного дня ему пришлось ждать пять лишних лет производства в генеральский чин. Рокк был убежден, что этот слухок близок к правде. Он знал, что настроение генерала находилось в теснейшей зависимости от иной раз смехотворных мелочей.

— Ну, что вы заметили в этом допросе, полковник? — спросил между тем генерал. — Я не вижу никакого доказательства тому, что Хансен ведет двойную игру, никакого...

— Доказательств нет, но есть вот какой факт... В Вюрцбурге, помимо бюро майора Коллинза, есть еще тридцать пять руководителей подобных групп. В основном бывшие гестаповцы, есть из СД, несколько человек из СС. Все проверены и найдены безукоризненными работниками. А вот Хансен был во время войны в пехоте, обер-ефрейтором. Попал

в плен под Сталинградом. И он единственный из всех руководителей групп, вернувшийся из восточного плена.

Генерал поднял руку, будто хотел защититься.

— Но вы учли, что Коллинз этого Хансена лично отыскал? Коллинз-то нас не обманывает, это исключено!

Брови Рокка недовольно поползли вверх. Внутренняя безопасность аппарата находится в его ведении. Он, Рокк, несет ответственность в тех случаях, когда что-нибудь идет не так, как нужно. Особенно сейчас, когда наступает фаза последних приготовлений, когда нужна удвоенная, может быть, утроенная бдительность. А генерал слишком мягок. Говорит просто наивные вещи. Может быть, стоит со временем продумать доверительное заявление.

— В нашем деле подозрительны все. Это основное правило. Я отвечаю за состояние внутренней безопасности управления, и я считаю нужным предпринять кое-какие действия.

Генерал вновь принялся маршировать вдоль стола. Потом подошел к окну и уставился на улицу. Он любил вид Франкфурта, открывающийся из этого окна. Здесь ему в голову приходили порой лучшие мысли. Он часто удивлялся, почему это его дела в Германии развиваются с таким трудом, а то иногда и просто стоят на месте. По временам ему казалось, что здесь, во Франкфурте, явно недооцениваются силы тех, в Восточной Германии. Разумеется, он опасался высказывать подобные мысли вслух.

— Собираетесь применить «детектор лжи», полковник? — спросил он через плечо. Ему и не нуж-

но было обращаться, он знал, с каким рвением полковник Рокк кивнул ему в ответ.

— Весь Вюрцбургский центр?

— Всех. Не исключая и Коллинза. Если Хансен не виновен, это обязательно выяснится. Но главное внимание мы обратим на Хансена.

— Делайте все, что вы считаете нужным, полковник.

Рокк принужденно кивнул.

— Благодарю, генерал.

„ШТУЧКИ“ ПОЛКОВНИКА РОККА

Полковник Рокк не стал терять времени. Ему давно не терпелось заняться этим Вюрцбургом. Утром он со всем своим аппаратом ворвался в виллу Коллинза. Сам майор казался совершенно спокойным, хотя все внутри у него клокотало от возмущения. Как и многие другие сотрудники главного управления и областных центров, Коллинз частенько посмеивался в кругу офицеров над «штучками» полковника Рокка. А полковника не любили ни в главном управлении, ни на местах.

Да, над полковником Рокком любили посмеяться за глаза, но ему и завидовали. И его быстрой карьере и связям в Пентагоне. А кроме того, эти тесты. Дай волю этому парню, и он самому президенту приклеит ярлык «красного». Бешеный, вроде покойного Маккарти. Возможно, что так и нужно действовать в Германии. Майор ничуть против этого не возражал бы, если бы не приходилось так ча-

сто и близко сотрудничать с этим психопатом. А теперь еще, как на грех, он сидит у него в кабинете.

— Неужели всех? — с хрипотцой в голосе спросил майор.

Полковник пожал плечами.

— Вы должны сами понимать, майор. Вы созвали своих людей? Они там все?

— Нет, Хансена нет в городе.

— Хансена?

— Он может появиться с минуты на минуту. Я так думаю...

— Думать позвольте мне, майор. На ближайшие два часа... — холодно заметил полковник. — Так какое помещение больше всего подойдет для наших целей?

— Подвал. Там сейчас у нас тир... — Коллинз покраснел от обиды, но Рокк наблюдал за ним совершенно равнодушно.

— Сохраняйте спокойствие, майор. Для волнения нет никаких оснований. — Рокк отвернулся от Коллинза и обратился к маленькому человечку с хищным профилем, стоявшему в ожидании приказаний у двери кабинета: — В подвал, док... А вы, майор, покажите дорогу, да с вас мы и начнем. Это, вероятно, не будет долго тянуться. Ведь вам скрывать нечего?

«Идиот... — думал Коллинз о полковнике. — Какой идиот! Но уж эти мысли я наверняка скрою...» — Коллинз нажал на кнопку, и в дверь заглянула расстроенная Пегги.

— Всех наших собрать, Пегги! — сказал Коллинз. — И Хансена, когда приедет.

— Это не обязательно, — заметил полковник. — Его задержат наши посты. Ну пойдемте, майор...

Коллинз быстро вышел из комнаты и распахнул дверь в подвал. У него еще таилась слабая надежда, что полковник споткнется на ступеньках, ведущих в подвал, и разmozжит себе затылок. Но Коллинз понимал, что это уже было бы слишком большим чудом. Ладно, дьявол их забери, он проглотит приготовленное Рокком лекарство, но при первой же возможности подставит полковнику ножку, это уж точно...

У входа в тир стояли два здоровенных, сумрачного вида парня. Рокковская «гвардия».

— Обождите минутку! — донесся из подвала голос доктора, когда Коллинз хотел открыть дверь.

Коллинз покорно прислонился к свежевыбеленной стене. С улицы донесся шум автомобиля. Это приехал Хансен.

Хансен вышел из машины и увидел парня внушительного вида, присевшего у самого входа в виллу. Парень безмятежно грелся на солнце. Шляпа сдвинута на лоб, пиджак под локтем выдается углом. Парень вооружен! «Рокк! — пронеслось в голове. Помимо воли пошел медленнее. — Что же дальше?» С тех пор как «Конкордия . экспорт-импорт» поселилась в этом доме, такого еще не было. Хансен постучал прямо по шляпе.

— Хеллоу!

Под шляпой оказалось совершенно бычье лицо. Парень поправил шляпу и указал башмаком на дверь в виллу, которая тотчас же распахнулась.

— Вопросов не задавать! — бросил он небрежно.

но. — Подымайтесь в комнату вашей сопливой секретарши.

— Что же случилось? — спросил Хансен и задержал дыхание. А в голове проносились, подобно молниям, сотни самых разнообразных предположений. Если, скажем, он справится с этим парнем, то там за дверью стоит еще один! И кто знает, где стоит третий? Такие, как Рокк, стараются полностью обезопасить себя со всех сторон, прежде чем примутся за дело. Да к тому же такой поступок нарушит то правило, железное, нерушимое правило, которое он сам вписал в свой мозг на все случаи жизни: «Выдержать, вытерпеть, пока есть хоть единственный шанс!» К сожалению, не всегда узнаешь точно, есть ли этот самый последний шанс или его уже нет. Он был уже у двери, когда парень, стоявший на посту, бросил ему вслед:

— Промывка мозгов!

За дверью действительно стоял еще один, а в комнате секретарши Хансен нашел еще двух. Эти двое уютно устроились за столиком Пегги. Выпивка во время несения службы была строго запрещена. Правда, трезвый, строгий Рокк принадлежал к тем начальникам, которые при случае закрывают не то что один глаз, а сразу оба, когда их подчиненные из каких-то там карманов достают свои «эликсиры». Но сегодня Рокк держал глаза открытыми. Оба парня были совершенно трезвы. Когда Хансен вошел, один из сидевших за столом громко хлопнул игровой картой по колоде в руках своего партнера и объявил:

— Готов! Совсем готов, мой милый!

Хансен рассердился на себя. До сих пор не взял

себя в руки как следует! Стоило ему услышать это «готов!», как он тотчас же невольно сделал шаг назад. Игроки за столом заметили это, и один из них без стеснения ухмыльнулся и подбородком указал Хансену в уголок у двери.

— Вон туда, мой мальчик!

В углу, рядом с дверью, на стульях для посетителей, сидели рядышком Пегги, Шукк и Франтишек. Шукк, развалясь, просматривал газету. Естественно, он не был в состоянии прочесть и строчки. Шукк был бледен как полотно. Мешки под глазами отвисли. Но это могло быть только результатом его образа жизни и никакого особенного значения не имело.

— А, ты тоже уже здесь? — сказал он мрачно. — Ну и дела! Они сейчас занимаются Коллином.

Хансен разыграл ничего не понимающего.

— Да что здесь происходит?

Ответил Франтишек, искоса и боязливо взглянув в сторону «игроков»:

— Какой-то дектор, мистер Хансен!

— Он хотел сказать: «детектор лжи», — пояснил Шукк.

Франтишек решил развлечься. Достал из кармана маленького чертика из красной резины, которого он добыл на толкучке. Если сжать между пальцами упругую рожицу, то чертик высовывал язык. Франтишек сунул чертика под нос Пегги. Пегги от неожиданности вскрикнула, и те двое, у стола, бросили карты.

— Эй, парень, перестань безобразничать!

Чертик был отобран.

Дверь распахнулась. Тот, что стоял на посту у входной двери, подмигнул.

— Хеллоу, мистер Хансен?!

Хансен встал. В комнатке стало очень тихо. Стоящий у двери дернул головой.

— А ну, давай, твоя очередь!

„СДАЙТЕ ОРУЖИЕ!“

Дверь, ведущая в тир, была из толстенной стали. Открыть ее можно было только с большим трудом. За дверью — лестница в подвал, и там стоял еще один охранник. Хансен не успел спуститься вниз, как его сильно кто-то толкнул. Это был майор Коллинз. Свой пиджак он нес под мышкой, рукава закатаны выше локтей. Полное скуластое лицо влажно от пота, волосы приклеились ко лбу. Коллинз пронесся, ни на кого не обращая внимания. Он выглядел так, что было ясно: полковник Рокк испробовал на нем все свое искусство. А вот и полковник. Улыбаясь, ждет его в дверях.

— Хеллоу, мистер Хансен! Рад вас видеть... Сдайте оружие, прошу!..

Хансен достал из кобуры пистолет и положил его на открытую ладонь полковника. Пронеслась мысль: «А не это ли твой последний шанс, Хансен?» Но он тут же спохватился и, принужденно улынувшись, вошел в подвал. Полковник задержался. Он передал связку ключей одному из своих парней его словами:

— Проверьте-ка его сейф!

Парень побежал вверх по лестнице, а полковник вошел вслед за Хансеном и притворил за собой дверь. Щелкнул замок.

Посредине подвала стояло глубокое кресло. Несколько ламп были направлены на него. За креслом стоял небольшой столик, на котором помещался «детектор лжи». Вполне безобидный на вид аппарат размерами с крупный радиоприемник. От него тянулись к креслу какие-то провода и резиновые трубки с блестящими пряжками и круглыми электродами на концах. Натянутое белое полотно отделяло кресло от «детектора».

Хансен сбросил пиджак, расстегнул рубашу и сел в кресло, проделав это так невозмутимо, что доктор в белом халате хлопнул в ладоши и доброжелательно ему улыбнулся. Любопытной фигурой был этот доктор. В свои тридцать пять лет он добился значительной известности как психолог; в главном управлении он также был на хорошем счету. Правда, злые языки утверждали, что доктор или спивается, или уже совсем спился. Но о чем ни говорят злые языки...

— Хеллоу, Хансен! — доктор говорил, не вынимая изо рта зажженной сигареты, и поэтому слова выходили какими-то скомканными. — Держись, приятель!

Доктор пристегнул к запястью левой руки Хансена один из электродов, потом опустился на колени, поднял правую штанину и пристегнул к ноге Хансена второй. Хансен почувствовал прикосновение холодного металла к икре. Коснулся металл и кончиков пальцев на левой руке. Хансен каждый раз морщился: холодный металл он теперь ощущал

повсюду. Он даже сделал движение рукой, и доктор тотчас же заметил:

— Не бойся, мой дорогой! Тебе совсем не будет больно, мы все вытащим из тебя, как больной зуб...

Рокк молча наблюдал за подготовкой. Потом подошел ближе и протянул Хансену какую-то бумажку.

— Подпишите, что вы добровольно решили подвергнуться исследованию, — сказал он.

Хансен внимательно перечел записку. Отказаться было нельзя, да и никто не ожидал, что он будет отказываться. Заранее изготовленная, даже типографским способом отпечатанная расписка. Пустая формальность. Хансен подписал. Полковник внимательно следил за каждым его движением, глаза его за толстыми стеклами очков стали совсем лисьими.

— Вы абсолютно здоровы?

— Да.

— Находитесь ли вы под влиянием наркотиков, снотворных средств или алкоголя в данную минуту?

— Нет.

Теперь полковник протянул своему «пациенту» еще одну записку. На ней ничего не было написано. В руку вложил карандаш.

— Напишите любое число между нулем и десятью, — предложил он.

Полковник отвернулся и отошел на шаг.

— Записку отдадите доктору, я не должен знать числа.

«Штучки»! — подумал Хансен презрительно. Написал и подал записку прямо в протянутую руку доктора.

Тот быстро взглянул на записку и второй рукой тут же просигналил полковнику. Сперва пять растопыренных пальцев, потом еще два. Итого, стало быть, семь. Полковник с каменным лицом принял эти знаки к сведению.

— Вы же знаете, как все это у нас делается, Хансен? Вы ведь не новичок... Итак, отвечайте только «нет». Даже тогда, когда я назову ваше число.

Хансен кивнул:

— Хорошо, начинайте!

— Один?..

— Нет.

— Два?

— Нет.

— Три?

— Нет.

Доктор следил за своим аппаратом. Из него выбегала лента миллиметровой бумаги. Острый штифт рисовал на ней дрожащую кривую.

— Пять?

— Нет.

— Семь?

— Нет.

Кривая вдруг дернулась вверх: Хансен ожидал после пяти — шести! Доктор удовлетворенно ухмыльнулся: ничего не поделаешь против науки! А лента все бежала и бежала. Доктор поднял руку.

— Стоп!

— Как, док? Все о'кэй? — спросил полковник.

Доктор приложил пальцы к губам и послал воздушный поцелуй.

— Этот малый врет, как пастор! — сказал он и по-товарищески хлопнул Хансена по плечу.

Рокк зажмурился от удовольствия.

— Что, Хансен, испытание вам не по душе?

Хансен угрюмо покачал головой.

— Этот театр ниже моего достоинства, полковник...

Рокк любезно поклонился.

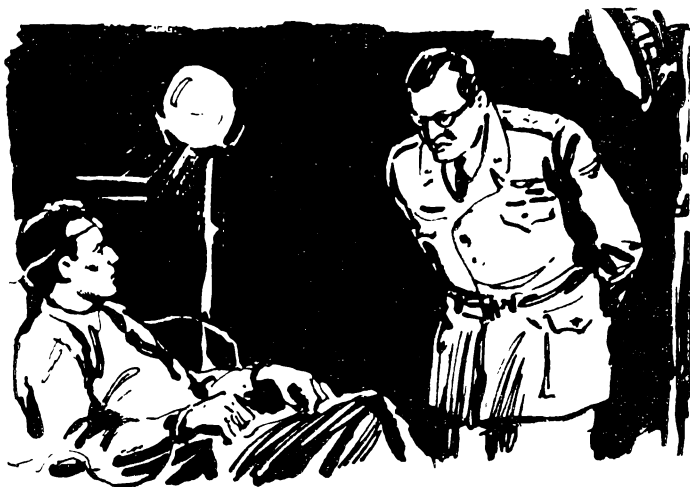
— Театр, говорите вы? Ну хорошо... А вот сейчас отвечайте мне «да» или «нет». Только «да» или «нет»! — Он сделал доктору знак. — Ну, приготовились! Начали!

Вопросы посыпались на Хансена без перерыва.

— Вы металлист?

— Да.

— Женаты?

— Да.

— Жена умерла от рака?

— Да.

— Вы были против режима на Востоке?

— Да.

— Вы коммунист?

— Нет.

Доктор подмигнул полковнику. Прибор не показал ничего заслуживающего внимания.

Работа на верхнем этаже также была в разгаре. Два ближайших сотрудника Рокка уже просмотрели содержимое ящиков стола, за которым работал

Хансен, и сейчас заканчивали обыск его сейфа. Вдруг один из них нашел спрятанные в бумагах две фотографии величиной с ладонь.

— Ха, Гарри! Ну-ка, посмотри на это! — Он протянул своему коллеге найденные им снимки.

— Ну и что?

— Парень-то рядом со старой лайбой, которую я где-то видел...

— Ну и ну, если ты, конечно, уверен... — ухмыльнулся Гарри. — А парень-то этот здесь, ждет своей очереди на промывку мозгов. Его зовут Шукк или что-то в этом роде.

— Хансен держал фотографии в своем сейфе! В сейфе... Не на дружескую же память он их сохранил. Тут что-то есть...

— Отложи снимочки для босса. Это для него лакомый кусочек.

Оба рассмеялись.

НЕУЖЕЛИ ПОПАЛСЯ?

А в подвале Хансен продолжал игру со смертью. Капли пота скатывались по лбу, застревали в бровях, щекотали виски. Полковник не давал ему никакой передышки.

— У вас есть связь с советской разведкой?

— Нет.

— Французской?

--- Нет.

— Интеллидженс сервис?

— Нет.

— Разведкой Федеративной республики?

- Нет.
- Военной разведкой США?
- Да.
- Разведкой Восточной Германии?
- Нет.

Коллинз уже пришел в себя и сейчас метался, как тигр в клетке, меряя шагами свой кабинет. Открыл дверь в комнату секретаря. Там царило уныние. Пегги бесшумно плакала. Ее нервы не выдержали, ожидая этой загадочной процедуры. У Шукка отвисла челюсть, он сидел, уставившись в одну точку. Франтишек дремал в уголке.

Охрана сидела молча. Игра им надоела, и они время от времени прикладывались к своим флакончикам с «эликсиром».

Майор с силой захлопнул дверь и забегал в еще большем ожесточении. Он здесь больше не был хозяином! В своем доме? Нет, полковнику это так зря не пройдет! И Коллинз целиком ушел в планы мщения.

А за металлической дверью все продолжался допрос.

— Вы получили задание от разведки Восточной Германии?

— Нет.

— Вы встречались с их представителями в Берлине?

— Нет.

Голос полковника бился где-то в висках.

Доктор показал на аппарат:

— Заканчивайте, полковник. Человек уже перегружен.

Полковник подошел к столику и просмотрел кардиограмму. Волнистая линия шла ровно, точно повторяясь. Никаких признаков особенного волнения. Рокк взглянул на доктора. Тот покачал головой. С трудом подавил зевоту. Рокк подошел совсем близко к Хансену.

— Аппарат так же неподкупен, как страшный суд, Хансен. Игра проиграна!.. Мы знаем все!

Хансен утомленно поднял голову и сказал улыбающимся:

— Тогда вы знаете больше меня...

Доктор оборвал ленту и остановил аппарат. Полковник пожал плечами.

— Дело ясное... Выйдем, доктор. А вы оставайтесь сидеть, Хансен!

Они вышли из подвала, с треском закрыв тяжелую дверь. Прожекторы продолжали бросать потоки нестерпимо яркого света на человека в кресле. Хансен поднял руку и стер пот со лба. Потом закрыл глаза.

Полковник сделал несколько сильных затяжек.

Доктор подумал об одной маленькой бутылочке в боковом кармане, которая находилась там наготове, но в присутствии полковника постеснялся прибегнуть к ее помощи.

— Как вчера сыграли в бостон? — спросил полковник.

— Не знаю... — угрюмо покачал головой доктор и задумался.

Он посмотрел на дверь в подвал. Полковник был ему противен. От этой «промывки мозгов» его уже просто тошнило.

— Сколько вы еще будете его мариновать?

— Докурю сигарету, и продолжим...

Доктор улыбнулся. Он ассистировал при сотнях подобных «промываний». Успех всегда был сомнительным. Иногда полковнику удавалось поймать какого-нибудь парня, но приписать одному аппарату причину успеха было нельзя. Скорее просто гипнотическое действие или слабость нервной системы испытуемого, чем прибор. Как медик, доктор отрицал подобного рода фокусы. Он знал, какое разрушающее действие оказывают такие допросы на нервную систему слабых или боязливых натур. Были случаи — и доктор о них великолепно знал, — когда подвергавшиеся допросу при помощи «детектора лжи» и оцененные как стопроцентно лояльные работники час или день спустя оканчивали свою жизнь самоубийством. Но полковник был твердо уверен, что такое самоубийство и есть запоздалое признание вины. Той самой вины, которую он стремился установить с помощью «детектора». Рокк непрерывно раздумывал над тем, как сделать свои допросы еще более действенными. Его работа уже стоила главному управлению многих жертв, и, пожалуй, жертвы будут еще. Но об этом доктор опасался заговаривать. Он получал свои доллары, а остальное — к черту!

Рокк внимательно взглянул на него.

— Я думаю, док, вы вполне созрели для проверки на детекторе!

— Я? — безразлично улыбнулся доктор. — Но

тогда вам придется придумать что-нибудь новенькое.

— Я на пару минут выйду на свежий воздух, — сказал полковник, сделав вид, что не заметил иронического замечания доктора. — Оставайтесь здесь, но в подвал не входите. Пусть он еще побудет один на один со своими мыслями.

Полковник вышел. Он не успел подняться по лестнице, как доктор уже поднес к губам свою заветную бутылочку. Виски забулькало, и доктор почувствовал себя значительно лучше.

ХАНСЕН ПРИНИМАЕТ ПРИГЛАШЕНИЕ

Хансен откинулся в кресле, подбородок поднял как только мог высоко, глаза закрыл. Так можно было еще терпеть этот проклятый свет. Стал вспоминать весь допрос. Слово за словом, вопрос за вопросом. Хансен был уверен: ошибок нет... Он продержится и дальше, если только полковник не выкинет еще какую-нибудь свою штучку.

Одно было совершенно ясно: полковник охвачен сильным подозрением. И прежде всего он подозревает его, Хансена. Ничего не значит, что в его мельницу попал и Коллинз и все остальные сотрудники Вюрцбургского центра. «Встречались ли вы с сотрудниками из управления госбезопасности Восточной Германии?» Нет, этот вопрос мог быть задан кому угодно. И все же, что они от него хотели, было ясно с самого начала. А «детектор», доктор — блеф, обман...

Он глубоко вдохнул в себя кисловатый воздух подвала и постарался вытянуться в кресле еще больше, подальше от этих ламп. Да, блеф! Только то они знают, что доложил им Коллинз, что было записано в его анкетах. То, что началось тогда в Лейпциге, во время осенней ярмарки.

И перед плотно закрытыми глазами Хансена по-неслись картины, одна другой ярче, будто все это было не три года назад, а произошло только вчера.

...Завод послал его в Лейпциг для публичной демонстрации нового сверхскоростного токарного станка. Послали не только как лучшего рабочего. Надеялись, что в шумной напряженной атмосфере ярмарки ему легче будет прийти в себя после смерти Эдит. В тот день, когда Коллинз появился рядом с его станком — как ясно он видит мельчайшие подробности, — один из художников-декораторов захотел повесить поверх рабочей диаграммы станка какой-то плакат. Что-то вроде: «Вперед, к новым грандиозным победам!» Хансен не согласился. «Что за глупости? — сказал он тогда. — Мы агитируем здесь высокой производительностью труда, а не бумажными лозунгами!» Декоратор громко заспорил с ним, но Хансен попросту оттеснил его в сторону и продолжал знакомить посетителей со станком. Вот тогда-то и появился рядом с ним Коллинз. Грузный, мощный человек с веселой улыбкой на губах. Его, конечно, заинтересовала перепалка из-за лозунга, но он и виду не подал. Просто подошел и разговорился с Хансеном, а Хансен был еще сильно возмущен и сказал несколько больше, чем следовало бы. Вечером они

договорились встретиться в одном погребеке. Это предложил Коллинз.

Хансен вовсе не думал, что совершает ошибку: почему бы и не побеседовать с американцем? Коллинз всем очень интересовался и показал, что обладает некоторыми инженерными познаниями. Хансен и не думал, что Коллинз интересуется не только машинами.

— Посмотреть бы вам наши автоматы! На ярмарке в Ганновере мы устроим целый парад станков.

Хансен только пожал плечами.

— В Ганновер мне трудно попасть. Нужны и время и деньги...

— Все в жизни — это только вопрос денег, времени... Машины, путешествия, люди... — засмеялся Коллинз. — Деньги и время...

— Так-то уж и все в жизни, господин Коллинз?

— Все, абсолютно все! Поверьте мне. Между прочим, я очень заинтересован в хороших работах...

Вот так и вылезло шило из мешка, и довольно быстро. Слишком уж Колинз был уверен в своем знании людских слабостей.

— Не хотите ли приехать ко мне в конце недели? Я приглашаю вас...

Так окончилась их беседа в кабачке.

А потом Хансен вспомнил моложавого лейтенанта, который его долго рассматривал в приемной управления государственной безопасности ГДР. Лейтенант не сразу понял, в чем дело.

— Почему же вы не вылетели сразу же, как и предлагал вам мистер Коллинз? Это было вполне возможно... И не показалось ли вам?

Лоренц мямл в нетерпении шапку. Его лицо стало замкнутым.

— Я пришел к вам за советом...

Разговор этот был долгим. Потом они перешли в другое бюро, где с Лоренцом беседовал пожилой серьезный майор. Его глаза смотрели на Лоренца взвешивающе, участливо.

— Если вы возьметесь за это задание, помните: вас ждет длительное одиночество, товарищ Лоренц. Вы сможете полагаться только на себя. Как солдат на передовом посту, — майор помолчал.

Лоренц слушал его, плотно сжав губы. Будет ли он в силах выполнить такое задание? Сможет ли? А майор, будто прочтя его мысли, продолжал:

— Никто вас не упрёкнет, товарищ Лоренц, если вы не почувствуете в себе самом достаточно душевных сил.

Майор поднялся. Лоренц, прощаясь, ответил:

— Я скажу вам мое решение завтра.

А на следующий день... На следующий день его принял полковник. Хансен вспомнил его крупную голову с седым ежиком коротко подстриженных волос. Его руку, которую он протянул ему в конце разговора. Это была рука старого рабочего, большая, сильная, на тыльной стороне белые рубцы и шрамы.

— Этих людей, товарищ Лоренц, опасно недооценивать. Это старые гангстеры, опытные шпионы. Грамотные психологи. Среди них есть немало попросту умных людей.

— У рабочего человека тоже, товарищ полковник, есть голова на плечах. И не только для того, чтобы надевать на нее шляпу.

— Так-то так... Но вы направляетесь к ним без специальной подготовки?

— Думаю, что господин, пригласивший меня, займется моим образованием...

И после этих слов для него и началась вторая жизнь. Дорога, на которую он вступил тогда, не была легкой. Но это была та дорога, которую он выбрал тогда, еще в окопах шестой «непобедимой» армии под Сталинградом.

И СНОВА ШУНК И АДЕЛЬГЕЙД

Доктор уже приканчивал свою бутылочку, когда Рокк вновь появился на лестнице, ведущей в погреб. Его подручный, которого он послал для проведения обыска в рабочей комнате Хансена, догнал его у самого подвала. Рокк сделал доктору знак: Хансена можно отпустить. На свежем воздухе Рокк понял, что обычными методами здесь ничего не поделаешь. Доктор тотчас же поспешил в тир, чтобы помочь Хансену отвязаться от вороха электродов и датчиков, которыми они его опутали. Полковник повернулся к своему подручному.

— В чем дело? — спросил он.

Тот протянул ему обе фотографии, которые он нашел в сейфе у Хансена.

— Тут что-то есть, полковник. Это из сейфа заместителя. Всмотритесь в эти фотографии...

Рокк был ошарашен. Едва взглянув на фотографии, Рокк весь подобрался. Глаза его сузились.

— Шукк вместе с этой дамой в сейфе у Хансена! Это действительно интересно...

Протянул фотографии подручному.

— Размножить... Оригиналы обратно в сейф! — Взглянул на часы. — Немедленно установить, кто эта дама. К одиннадцати часам!

Подручный поспешно взбежал по лестнице.

Доктор отвязал Хансена и подал ему пиджак, который Хансен бросил на пол перед тем, как сесть в «кресло пыток».

— Что, Хансен, вогнали вас в пот? — засмеялся доктор. — Вечерком пойдите и напейтесь как следует. Это лучший метод. Злость как рукой спадет.

Хансен удивился.

— Что? Уже все?

— Ну, если вам так понравилось, то мы можем продолжить, — сказал доктор. — Но, боюсь, у полковника есть еще дела.

Рокк вошел в подвал и протянул Хансену его пистолет.

— Ваша проверка окончена. Результат будет известен позднее.

Хансен перебросил пиджак через плечо и направился к выходу из тира. Потом обернулся и сказал:

— Я сожалею, полковник... Был так взволнован, что просто забыл вам сообщить. — Хансен увидел, что Рокк напряженно прислушивается к его

словам. Даже у доктора глаза стали круглыми. — Так забыл вам сообщить, что я министр государственной безопасности Германской Демократической Республики. Собственной персоной...

Невесело было на душе у Шукка, когда он вышел на залитые солнцем улицы послеобеденного Вюрцбурга. Со стороны могло показаться, что Шукк бродит просто так, без какой-либо цели. Но это было не так...

Ужас, который он пережил во время вчерашнего налета полковника Рокка, все еще не покинул его. Что он только не передумал, когда началась проверка! Ему казалось, что все было приготовлено для того, чтобы разоблачить его, Шукка. Но когда допрос Хансена затянулся, Шукк и другие наверху поняли это как доброе предзнаменование. И действительно, полковник Рокк «смилоствовался». Пегги, Франтишек и Шукк были пропущены через тесты за каких-нибудь несколько минут.

Когда проверка окончилась, Коллинз совсем взбесился. Шукк понимал, что в этом состоянии майор долго не будет находиться. Так оно и вышло. К вечеру майор уже засел за работу, да и сейчас все еще торчит за своим письменным столом. Можно было уверенно сказать, что Вюрцбургский центр ожидает полная реорганизация. В который раз!

Этого как раз и боялся Шукк. Да еще когда он шел в ресторан обедать, к нему подошел связной и «обрадовал»: Шукк должен находиться в известный ему час на известном ему месте. Неожидаемое

это приглашение вызвало головную боль. Так или иначе, а жди неприятностей. Шукк сразу же почувствовал, что ему сорок пять и что жизнь, полная опасностей, уже не для него.

А у входа в парк хохотали девушки в пестрых платьях, и смех их был светел и непринужден. Пожилые дамы сидели на выкрашенных белой краской скамьях и вспоминали прошлое. Залаяла собака. Какой-то господин в вылинявшей на солнце шляпе гордо вышагивал по гравию аллеи. Ну конечно, эти люди могли смеяться, что-то такое вспоминать, разглядывать друг друга, вот так вышагивать по дорожкам парка. Они все еще ждали чего-то от жизни или ничего больше не ждали. Но все они были счастливей его, Шукка, который однажды поверил в то, что можно вести жизнь, полную опасностей, без особого риска, если немного схитрить. И было у Шукка предчувствие, что сегодня ему предъявят счет. И он должен будет платить...

„ВЫХОДИТЬ ИЗ ИГРЫ НЕЛЬЗЯ, ШУКК!“

Он нашел Адельгейд в тихом закутке городской оранжереи, как раз за фонтаном. Адельгейд задумчиво покачала головой, когда Шукк присел рядом с ней на каменную скамью и озабоченно закурил сигарету.

— Вы нервничаете? — спросила она.

— Это только кажется, — принужденно улыбнулся Шукк.

Адельгейд порылась в сумочке и протянула Шукку конверт.

— Ладно, не будем терять времени. Вот вам ключ.

Шукк невольно отдернул руку. Адельгейд наморщила лоб и быстро вложила конверт в его карман.

— Нам пужна вся картотека, — сказала она твердо. — Переснимите все на микроплёнку... Нам нужны карточки всех осведомителей, всех агентов и связных, длины волн раций, их местонахождение — словом, все. Абсолютно все. И сегодня ночью!

Шукк смотрел на свою даму в ужасе.

— Невозможно! После посещения Рокка вся фирма похожа на потревоженный улей.

Адельгейд кивнула.

— Все знаю, мой дорогой. После такой встряски все дезорганизовано. И вполне возможно, что завтра вам вообще не добратся к сейфу. А там внутри пока еще есть кое-что интересное... А если и доберетесь, то будет ли в нем интересующий нас материал? Вы об этом подумали?

Шукк почувствовал, как пот ручейками стекает по плечам под рубахой.

— Сегодня этого не сделать! — сказал он.

— Вы должны это сделать сегодня! — ответила Адельгейд, и в ее голосе послышалось что-то такое, что Шукк вздрогнул всем телом под влажной от пота рубахой.

Адельгейд в молчании внимательно смотрела на Шукка, а он сидел, уставившись на свои руки.

Пальцы с уродливо разросшимися суставами дрожали. Шукк отрицательно покачал головой.

— Вы не заставите меня сделать это!

— Что вы хотите сказать? — Адельгейд рассмеялась обворожительно и кокетливо, так как пожилая супружеская пара появилась на дорожке и исчезла за рядами кактусов.

— Будете припуждать... так я уйду, выйду из игры!

Шукк сказал это, не поднимая головы. Адельгейд откинула голову, всматриваясь в Шукка прищуренными глазами.

— Думаете донести Коллинзу?

Об этом Шукк вовсе и не думал, но все же уклончиво ответил:

— Кто знает?..

Адельгейд встала со скамейки и, сняв белоснежную перчатку с руки, опустила пальцы в бассейн.

— У людей Гелена длинные руки. Через двадцать четыре часа вы мертвец, Шукк.

Адельгейд перечислила Шукку ряд его дел и делишек. Это был длинный список, и Адельгейд говорила бесстрастным деловым тоном. Так говорят с несостоятельным должником о его долгах. Не уплатите по счетам — передаем дело в суд.

Шукк растерянно посмотрел на собеседницу.

— А если меня поймают? — он медленно кивнул на выход из оранжереи.

— То же самое! Это не лучше! — ответила Адельгейд. — Ваш единственный шанс — не попадаться! Это и в наших интересах... Что мы сможем сделать, чтобы помочь вам, сделаем. — Адель-

гейд холодно на него взглянула. — А выходить из игры нельзя, Шукк! Вы слишком много знаете...

Шукк больше не возражал. Это было бесполезно. Ему предъявлен счет. Нужно платить, и basta!

— Итак, сегодня вечером, в одиннадцать, — закончила разговор Адельгейд. — Хансен уедет. Мы также знаем, что майор Коллинз будет или в лагере, или в главном управлении. Чехом я займусь сама.

Адельгейд шлепнула Шукка по плечу перчаткой и быстро вышла из оранжереи.

Шукк остался в окружении молчаливых кактусов. Он чувствовал себя ужасно. Что-то душило его, и он выбежал на свежий воздух. Холодный пот выступил на лбу. Вот уже девять лет прошло с того времени, как он запродавал всего себя тайным организациям. Мечтал о грандиозно удачливой карьере разведчика. Да еще «предусмотрительно» связался со службой Гелена. Ведь ему так хотелось со временем получить приличное, а может быть, и высокое местечко в Бонне. Шукк протянул Адельгейд только палец, а она схватила всю руку. Он думал, что ему будет достаточно передать сплетню или какие-нибудь незначительные сведения, одну-две микропленки из бюро Коллинза, и люди Гелена будут вполне удовлетворены. На протяжении всех этих лет он делал свое дело и продолжал бы его и дальше, но им оказалось этого мало. Такая наглость со стороны службы Гелена была полной неожиданностью для Шукка, но, черт возьми, он ведь еще жив! Он не призрак, не мертвец! И полковник Рокк во время своего неожиданного визита обошелся с ним мягче, чем с другими. Да разве Адельгейд

пошлет его к сейфу, если рядом с сейфом Коллинз устраивает засаду? И ведь людям Гелена он нужен живым, а не мертвым. Им нужны документы из сейфа Коллинза, им нужна его картотека.

Так Шукк «набирался храбрости».

«Игра еще не кончена, есть еще карты в колоде!» — думал он.

У ОТМЕТКИ 55,5

„Если возьметесь за это задание, товарищ Лоренц, помните: вас ждет длительное одиночество...» Эти слова сказал Хансену майор, когда он в тот пасмурный октябрьский день пришел в Берлинское бюро госбезопасности, чтобы выполнить свой долг коммуниста и гражданина. И Хансен испытал себя на этом долгом пути борьбы и одиночества. Но так же точно, как он знал сегодня, что все его действия были правильными, точно так же он знал, как тяжело одиночество. Правила конспирации разрешили отклоняться от инструкций только в исключительных случаях. А инструкции запрещали входить в контакт с единомышленниками или по собственной инициативе обращаться в высшие инстанции. Пути, по которым Хансен доставлял свою информацию, были твердо установлены. Малейшее отклонение могло привести к тяжелейшим последствиям. Только два раза за три года Хансен отходил от инструкций. Последний раз в Берлине. Все остальное время он боролся один, никого не было рядом, никто не стоял за ним, готовый помочь советом или делом. С каж-

дым днем он все глубже погружался в джунгли секретной службы одной из могущественнейших разведывательных организаций Запада. При нем совершенно откровенно говорили, планировали, осуществляли такие вещи, от которых могло разорваться сердце. Это была пытка. Она продолжалась непрерывно, днем и ночью, из месяца в месяц. И так же непрерывно над головой Хансена висела опасность разоблачения. А разоблачение обозначало смерть.

Но он привык к одиночеству, привык настолько, насколько к этому можно было привыкнуть. И он понимал — по-другому нельзя. И вдруг к нему приходит известие: ждать ровно в 23.00 у отметки 55,5 километра по нюрнбергской дороге! И время и место были чрезвычайно удобными для свидания. Как раз утром Коллинз попросил его подъехать к одному продавцу, у которого должна была находиться ценная статуя. Адрес продавца ему сообщил нюрнбергский антиквар. Хансен догадывался, что между этим продавцом скульптур и местом его свидания была какая-то связь. Во всяком случае, ему не нужно будет специально отпрашиваться у Коллинза.

Было около одиннадцати вечера. Хансен ехал медленно, дорога была прекрасной. По обеим сторонам темнели ели и сосны. Вот шоссе перебежал зайчишка, уши заложив назад, перебежал и скрылся в кустарнике. На протяжении десяти километров Хансену не встретилось ни одной машины. Скоро и его отметка.

Еще издали Хансен заметил, что у обочины дороги возле отметки стоит элегантный автомобиль.

Подъехал ближе. Так и есть, автомобиль — теперь Хансен смог определить марку — «дофин» — стоит как раз у пазначенного места. А он где-то видел этот автомобиль, но где и когда?..

Прежде чем он вспомнил, его машина поравнялась с «дофином». Капот был открыт, и какая-то девушка в светлом пальто наклонилась над мотором. Хансен вышел из машины. Девушка подняла голову. У нее было ясное лицо под копной выющихся волос. Такое лицо трудно забыть, увидев его однажды. Да, конечно, он видел и это лицо и эту машину перед отелем «Рикси», в тот полный волнений вечер, видел мельком, теперь он это ясно вспомнил. А тогда не придал никакого значения. Была ли эта девушка тем ан-

гелом-хранителем, который сообщал майору о действиях ищеек Коллинза? Хансен улыбнулся: такой ангел-хранитель может поколебать любого атеиста.

Он подошел к машине и заглянул внутрь.

— Зажигание? — спросил он.

— Да, свеча вышла из строя.

Хансен полез в карман и протянул коробочку с новой свечой.

— Возьмите, — сказал он.

Мотор сразу же заработал.

— Но когда я смогу ее вернуть вам?

— Утром, в одиннадцать, кафе «Капелла».

— Спасибо...

Хансен направился было к своему автомобилю, но вдруг повернулся, повинувшись неожиданному желанию увидеть еще раз ее лицо. И ему захотелось увидеть на этом лице улыбку.

— Забыл сказать вам до свидания...

Девушка подняла голову.

— До свидания, — сказала она, помедлив. И улыбнулась.

ВСЕГО ЛИШЬ МАЛЕНЬКАЯ СОБАЧКА

Часовая стрелка уже приближалась к одиннадцати, а Франтишек все бродил по коридорам «Конкордия экспорт-импорт», проверяя, все ли двери закрыты как следует. Это было скучнейшее занятие, и Франтишек то и дело зевал и почесывался. И так ведь было каждый день, когда уезжал Коллинз. По пути Франтишек выключал свет, оставляя только синие лампочки ночного освещения.

Но вот, кажется, и все. Франтишек подошел к окну и достал из заднего кармана брюк плоскую бутылочку с ромом. Несколько глотков его вполне утешили. Теперь бы явиться Хансену, и

тогда можно будет пойти соснуть в дежурке перед дверью квартиры Коллинза. Хансен всегда позволял ему немного поспать.

Вдруг в саду раздался какой-то неясный звук. Франтишек насторожился. Да, там кто-то есть. Франтишек распахнул окно и перегнулся через подоконник. В передней части сада яростно лаяла какая-то собачонка. Судя по лаю, шпиц или что-нибудь в этом роде. Лай прекратился, и Франтишек услышал женский голос:

— Фифи, иди сюда! Иди, иди, моя собачка! Ну иди же!

Франтишек несколько секунд прислушивался в нерешительности. Лай не прекращался. А там в саду... там же свежие грядки! Этот пес все перепортит! Франтишек выбежал во двор, оставив дверь приоткрытой.

С верхней площадки лестницы за ним наблюдал Шукк. Вот Франтишек вышел, и Шукк удовлетворенно кивнул: все идет как по писанному, как раз одиннадцать... Шукк на цыпочках соскользнул вниз по лестнице. Отлично подобранный ключ бесшумно отворил дверь в кабинет Коллинза. Франтишек еще не добрался до ворот, ведущих из сада на улицу, а Шукк уже успел запереть за собой дверь кабинета. Замок щелкнул едва слышно.

Одно дело сделано. Он в кабинете у шефа. Шукк с облегчением вздохнул. Острым лучом карманного фонаря ощупал комнату. Штора была спущена небрежно, и Шукк, подойдя к окну, тщательно ее поправил. Можно было включить верхний свет, что Шукк и сделал, особенно не разду-

мывая: он хорошо знал, что шторы в кабинете непроницаемы. Теперь можно было заняться сейфом.

Шукк набрал на дисках серию цифр и без труда открыл первую дверь. Потом вставил в замочную скважину ключ, полученный им накануне от Адельгейд, и тут все обошлось благополучно. Не прошло и минуты с того момента, как он сюда вошел, а в его руках уже была полная картотека Коллинза! Шукк стал раскладывать карточки, потом взялся за аппарат.

Сквозь прутья забора Франтишек увидел фигуру женщины и подошел ближе. Это была дама, самая что ни на есть важная дама, как он позднее клялся Хансену. Дама тщетно пыталась вызвать из сада убежавшую Фифи. Эта Фифи — комочек курчавой черной шерсти — не желала ничего

слушать и в ответ только лаяла. И конечно, этот лай доносился со стороны самых ухоженных грядок, гордости Франтишка. Дама очень обрадовалась, когда Франтишек просунул голову сквозь садовую решетку.

— Ах, простите меня, пожалуйста, но моя Фифи забежала в ваш сад. — Дама беспомощно размахивала ремешком. — И не хочет сейчас меня слушать! Может быть, вы ее поймаете?

— Речь идет о собаке? — спросил Франтишек. — Какой она величины?

Дама показала руками величину своей Фифи, что-то около тридцати сантиметров. Франтишек, на которого элегантная дама произвела впечатление, услужливо улыбнулся.

— О, такой величины! Это какой-то страшный дикий зверь... Подождите, я ее сейчас поймаю.

Франтишек отошел от забора и вдруг сильно икнул.

— Ну и ром, будь он проклят! — выругался он.

— Вы что-то сказали? — забеспокоилась дама.

— Нет, нет, ничего. Просто думаю, куда она могла запропасться?

Охота началась. Франтишек бегал по всему саду, а неуловимая Фифи, будто дразня, лаяла на него чуть ли не отовсюду. Тем временем в кабинете Коллинза непрерывно щелкал затвор аппарата. Шукк уже несколько раз вынимал из сейфа все новые и новые карточки и укладывал их штабелями на ковре. Камера была оборудована лампой-вспышкой и портативным штативом для получения четких репродукций и работала безукоризненно. Шукк даже забыл обо всем, что так его тревожило после разговора в городской оранжерее. Но если бы Шукк мог на мгновение заглянуть в кабинет полковника Рокка, хоть на одно мгновение, то благоразумие немедленно вернулось бы к нему.

Майор Коллинз в этот самый момент находился в кабинете Рокка. Они обсуждали результаты проверки. Полковник демонстрировал майору различные отклонения на полученных кривых. В одном месте на кардиограмме был участок с измененным ритмом, в другом — еще что-то; какая-то кривая показывала отклонения от нормы. Все это было достаточно жалким и выглядело совершенно неубедительно. Майор это великолепно понимал, но и виду не показывал.

— Если я вас правильно понял, — сказал он наконец, — тесты не дали каких-либо неожиданных результатов?

Дремавший в кресле доктор заметил равнодушно:

— Во всяком случае, майор, никто из ваших сотрудников не обременен особенными грехами. Серьезных улик против них нет.

Полковник решительно отмахнулся.

— Этого я не говорю. Подозрение остается... — Он вдруг замолчал и обернулся к двери.

На пороге стоял один из его помощников. В его руках были копии фотографии из сейфа Хансена: Шукк и Адельгейд в баре казино.

— Хорошо... — сказал Рокк, рассматривая фотографию. — А личность дамы вы установили?

Его помощник протянул записку. Там было всего несколько слов, но каких!

«Адельгейд фон Бризински, иначе Клара Зундт, кличка «Паучиха». До 1945 сотрудничала в иностранном отделе. Специализировалась по связям с Востоком. В настоящее время связана со службой Гелена...»

Полковник был в восторге. Он буквально расцвел.

— Адельгейд фон Бризински, «Паучиха»? Эй, майор Коллинз, это проливает свет на все дело в целом. Правда, совсем с другой стороны...

Полковник передал майору фотографии. Он торжествовал. Майор взглянул на фото, прочел записку, и у него отвисла челюсть.

— Да ведь это же Шукк! И эта дама... Как это все понять?

А Рокк уже сдернул со стены автомат.

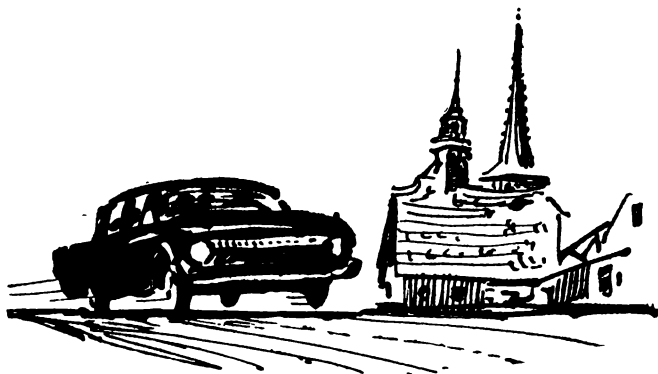
— Все в машину, живо! — командовал он. — Где сейчас Шукк, Коллинз?

— Должен быть на своем месте... Но я не понимаю...

— Расскажу по дороге, — бросил на ходу полковник и выбежал из комнаты.

Коллинз и доктор последовали за ним.

Наконец-то Франтишек настиг собачонку, поймал прямо на клумбе с цветами. Пес визжал ужасающе. Франтишек протолкнул этот вопящий комок сквозь решетку, прямо в руки его хозяйке. Адельгейд была уверена: Шукк уже все окончил, недаром же его девять лет обучали шпионскому

ремеслу. Она прижала к себе собачку и рассыпалась в благодарностях.

— Я этого никогда не забуду, мой друг! — говорила она, поглаживая своего пса. — Вы оказали мне огромнейшую услугу! Я даже не могу подумать, что бы я делала без Фифи. Он был уже на трех выставках и каждый раз получал золотую медаль!

В этот самый момент Франтишек увидел черный автомобиль, который пронесся по улице и резко затормозил перед решеткой сада. Дама исчезла, а Франтишек побежал к воротам. Коллинз, сопя, пронесся мимо него. Впереди промелькнул полковник Рокк. Доктор ковылял сзади.

Не останавливаясь, полковник крикнул:

— Где он может быть? Наверху?

— Сначала в мой кабинет! — прохрипел Коллинз.

Они исчезли в доме. Франтишек, разинув рот, смотрел им вслед.

Ворвавшись в дом, полковник остановился, пропуская вперед Коллинза. Майор в два прыжка очутился у двери своего кабинета и попытался вставить ключ в замочную скважину. Но изнутри в нее был вставлен другой ключ! Коллинз отбежал в сторону, а полковник разрядил свой автомат прямо в дверь кабинета. Длинная очередь прогремела в коридоре, раздробив замок.

Шукк, как и предполагала Адельгейд, было уже совсем закончил свою работу. Он отложил камеру и складывал листы картотеки и другие документы, чтобы уложить их в сейф. Визг тормозов машины Коллинза заставил его вскочить на ноги.

Он еще прислушивался, как вдруг шаги бегущих людей раздались совсем рядом, прямо за дверью кабинета. Потом кто-то попытался открыть дверь. Кончено... Все пропало! Предчувствия не обманули его. Шукк прислонился к стене, его лицо побелело. Вытащил пистолет.

Автоматная очередь привела его в полную растерянность. Он уже давно решил покончить с собой, если его разоблачат. И сейчас нельзя было больше медлить. Поднять руку с пистолетом ко лбу, и все... Но Шукк все еще не решался.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвались Рокк и Коллинз с оружием в руках. Шукк поднял вверх дрожащие от страха руки, и его пистолет, выскользнув из скрюченных пальцев, глухо шлепнулся на ковер.

— Кругом! — скомандовал Рокк, доставая наручники из кармана. Шукк повернулся к стене. — Руки назад! — вновь скомандовал полковник, застегивая на его кистях наручники.

Коллинз только покачал головой при виде распахнутого сейфа. Потом бросился на колени и принялся быстро просматривать бумаги.

— Кажется, все на месте... — тяжело дыша, сказал он. — Я пришел вовремя.

— Вы? Не вы, а мы! — поправил его полковник. — Думаю, что в своем рапорте я должен буду несколько иначе классифицировать происшедшее.

Коллинз прикусил губу и, схватив Шукка за воротник, подтолкнул к выходу.

— Куда сейчас, полковник? — спросил он.

— Заедем в лагерь... Да соберите материалы!

Полковник взял аппарат Шукка, а Коллинз стал запихивать разбросанные по полу документы в сейф.

Шукка вывели к машине, но в этот момент к воротам подъехал «фольксваген» Хансена.

— Что случилось? — спросил Хансен, выскакивая из автомобиля.

— Где, черт вас возьми, вы пропадали, Хансен? — закричал на него Коллинз.

Хансен посмотрел на него удивленно.

— Вы же меня сами послали, шеф. Я возвращаюсь прямо из Нюрнберга...

Коллинз поднес к его лицу увеличенную фотографию Шукка и Адельгейд.

— А это что означает? — спросил он возмущенно.

Но Хансен уже взял себя в руки и холодно ответил:

— Случайное наблюдение, шеф.

— А почему, будьте вы прокляты, вы не пришли с этим вашим «случайным наблюдением» ко мне?

Но Хансен ответил без всяких колебаний:

— Шеф, глаза у меня были на месте, но подозрение без доказательств? Голое подозрение? — Хансен отрицательно покачал головой. — Я был осторожен.

— Осторожен! Он был осторожен! Вы теперь видите, до чего мы дошли с этой вашей проклятой осторожностью!

В этот момент Коллинз заметил стоящего в тени у ворот Франтишка, и его ярость вновь вспыхнула.

— А этого в карцер! — заревел майор и быстро направился к дому.

Хансен схватил Франтишка за плечо и толкнул вперед.

— Что случилось, Франтишек? — спросил он.

Франтишек беспомощно пожал плечами. Он выглядел совсем несчастным.

— Я делал обход, господин Хансен. А потом собака забежала в сад. Прямо на цветы. А еще там была женщина. А потом пришли босс и мистер Рокк, и тр-р-р, тр-р-р... Да что я знаю?.. Такая маленькая собачка...

Франтишка понять было трудно, и Хансен его больше не расспрашивал. Он отвел его в маленькую камеру в подвале возле тира, которая иногда служила карцером, и закрыл его там. Франтишек опечаленно сказал из-за двери карцера:

— Я ни в чем не виноват, мистер Хансен.

— Посиди, посиди, Франтишек, — ответил Хансен. — И не делай никаких глупостей. Я тебя скоро выпущу.

— Спасибо вам, мистер Хансен!

Хансен вышел из особняка. В этот момент в комнате майора Коллинза погас свет. С улицы донесся шум двигателя: ждали майора. Стало светать. Рокк нетерпеливо выглянул из машины.

Майор вышел из своей комнаты явно в лучшем настроении. Он успел прикинуть все последствия «несчастливого случая» в его центре и нашел, что ничего страшного не произошло. Полковник со своим «промыванием мозгов» при помощи «детектора» оскандалился полностью. Ведь насчет Шукка у полковника не было подозрений, и только

благодаря наблюдательности Хансена предатель был обезврежен. Не было бы этих фотографий, не сидел бы сейчас Шукк в наручниках. И, несмотря на очевидное нетерпение Рокка, Коллинз демонстративно подошел к Хансену.

— Шукк что-нибудь украл, шеф? — спросил Хансен с нескрываемым любопытством.

— Украл? Он вскрыл мой сейф!

— Сейф? В вашем кабинете? — Хансен действительно был ошеломлен. Так вот кто был вторым заказчиком у Макса из казино! Вот для кого был сделан второй ключ!

— Тогда нам повезло... — сказал Хансен сквозь зубы.

— Повезло? — коротко рассмеялся Коллинз. Он был вновь самим собой. — Горячие материалы я держу в холодном месте!

Полковник нажал на сигнал, и Коллинз быстро пошел к воротам.

— Останетесь охранять фирму! — крикнул Коллинз на прощание, и машина тронулась с места.

Так Хансен и запертый в подвале Франтишек остались единственными обитателями виллы в ту ночь. Пегги жила в городе, где у нее была комната, и только иногда, когда была срочная работа, ночевала в здании. Дверь в кабинет Коллинза так и осталась открытой. Даже свет в комнате забыли погасить. Хансен вышел в вестибюль и тщательно запер входную дверь. Потом вернулся в кабинет Коллинза, подошел к сейфу. Майор второпях забыл изменить шифр, и Хансен бесшумно отворил первую дверь сейфа. Достал второй ключ

и так же легко открыл вторую дверь. Что и говорить, Макс оказался большим специалистом. Хансен сперва осмотрел сваленные как попало бумаги, потом начал осторожно перебирать их. Он обыскал весь сейф, но того, что он искал, там не было. Тщательно запер сейф и с минуту постоял перед ним в глубокой задумчивости. Либо папка со зловещим штампом «Совершенно секретно» находится в руках Коллинза и он забрал ее с собой, либо... либо в доме есть второй сейф. Взял папку с собой? Нет! Его портфель лежит на письменном столе. Значит, в комнате Коллинза есть еще один сейф.

Хансен погасил свет и подошел к окну, из которого был виден весь сад. Коллинз, выбежав из своего домика, имел явно вид человека, у которого гора с плеч свалилась. Хансен припомнил фразу, сказанную ему майором, когда они встретились на садовой дорожке: «Повезло? Горячие материалы я держу в холодном месте!» Вот оно — слово!.. Тут что-то есть...

Хансен прошел к садовому домику, где была комната Коллинза. Вот койка Франтишка. Он, видно, дремал одетым на койке, так как все было в беспорядке. Полуголые танцовщицы улыбались Хансену со стены. Ручные гранаты со слезоточивым газом лежали аккуратно на полочке в головах койки. Рядом висел автомат Франтишка. Дверь в комнату Коллинза была заперта, но Хансен вспомнил про маленькое окошко, выходящее в сторону главного здания фирмы. Как-то Хансен здесь застукал Франтишка, когда тот, вооружась простым четырехгранным ключом, открыл окно в ком-

нату Коллинза и насосался там всяких напитков, принадлежавших шефу. Тогда Хансен ограничился нагоняем. Скажи он Коллинзу, что Франтишек лезил к нему в комнату, и майор тотчас же решил бы, что имеет дело с грандиозным предательством.

Хансен улыбнулся, когда на полочке с гранатами обнаружил четырехгранный ключ. Минуту спустя он уже стоял в комнате Коллинза.

Он осмотрел комнату, не зажигая света. Через окно, выходящее в сад, лился яркий лунный свет, вполне достаточный, чтобы различить отдельные предметы в комнате.

Хансен хорошо знал эту комнату. Ни ночной столик, ни кровать, ни открытый гардероб не привлекли его внимания. В нише за кроватью стоял холодильник, который сообщал неожиданный оттенок роскоши этой скудно обставленной комнате. Хансен стал на колени перед холодильником и пошарил рукой по полу. Провода вообще не было! Хансен тихонько свистнул сквозь зубы.

Попробовал сдвинуть холодильник с места. Он оказался слишком тяжелым для этого, будто эмалированный ящик налили свинцом.

Хансен был вполне удовлетворен. Он вылез из окна и вышел в сад. Неожиданно донесся звук автомобиля. У ворот остановилась машина полковника, и из нее выпрыгнул Коллинз. Хансен увидел, что, помимо Шукки и полковника, в машине находились еще два парня из его личной охраны. Рокк сидел рядом с Шукком на заднем сиденье. Шукк опустил голову, его закованные руки лежали на коленях.

— Я вас еще увижу? — спросил Коллинз, наклоняясь к окну машины.

— Я еду сейчас во Франкфурт, — ответил Рокк. — С отчетом. У доктора будут еще кое-какие дела в лагере. Завтра вы его захватите по пути.

Майор головой указал на Шукка.

— А что вы сделаете с ним?

— Я? — удивленно спросил полковник. — Ничего. О нем позаботятся люди Гелена. — Он тронул шофера за плечо.

— Давай побыстрей! Скоро рассвет...

Майор поднял руку, будто хотел послать уезжающим привет, но, спохватившись, быстро опустил ее и направился к воротам.

Хансен открыл перед ним калитку.

„ИТС ПЭЙ-ДЭЙ...“

Тяжелый автомобиль пронесся километров двадцать по шоссе, потом завернул к отдельно стоящей дачке и медленно покатил по узкой лесной дороге. Небо на глазах сменяло окраску. Наступал день. Лица сидящих в автомобиле теперь были ясно видны. Серые лица невыспавшихся людей.

На широкой просеке Рокк остановил машину и приказал выйти своим молчаливым помощникам.

— А вы, доктор, езжайте дальше. Вы же знаете приговор... — Полковник высунулся в окно,

крикнул парням: — Здесь будете ждаты! Через десять минут мы вернемся.

Доктор сел за руль. Дал газ и тут же включил радио на полную мощность. Диктор американской радиостанции вел передачу для солдат оккупационной армии.

«Хеллоу, ребята! Выпьем-ка нашего доброго старого виски. Сегодня день получки, ребята. Итс пэй-дэй...»

«Итс пэй-дэй... День расплаты!!!» — пронеслось в голове у Шукка, и он весь сжался в своем углу. Смертельный страх сломил его окончательно. Да разве Рокк будет церемониться с агентом, совершившим предательство? Но, может быть, обойдется! Ведь он во всем сознался, он полностью во всем сознался! Нет, это вряд ли поможет. Молчаливые деревья вокруг, затянутая туманом безлюдная дорога через лес — вся эта странная местность... Нет, его положение безнадежно. Это его последние часы. Шукк сжал закованные руки. В горле что-то забулькало.

Полковник Рокк сделал доктору знак.

— Вот сюда, в эту просеку, и погасите фары.

Доктор выключил свет. Подпрыгивая на кочках, машина плыла сквозь серую вату утреннего тумана. А проклятая каркающая мелодия назойливо лезла в уши:

«Итс пэй-дэй, итс пэй-дэй...»

Машина сильно подпрыгнула на толстых корнях какой-то старой сосны, и доктор зло проворчал:

— Темно, как в медвежьем брюхе!

От толчка полковник соскользнул со своего ме-

ста, его рука прикоснулась к бедру Шукка. Это прикосновение пробудило слабую надежду в груди Шукка. В нем, этом случайном движении, было что-то человеческое. Шукк повернул к полковнику мертвенно-бледное лицо.

— Полковник, что вы хотите сделать со мной? Рокк даже не взглянул на него.

— А вы угадайте! — предложил он, и его голос прозвучал как-то наставительно, даже педантично.

Больше, чем все, что произошло за последние несколько часов, испугал Шукка этот голос. Да, все было бесполезно. У него нет ни единого шанса.

— Дайте мне убежать, прошу вас! Я сделаю для вас еще очень много, я готов ко всему! Дайте мне самую грязную работу! — стонал Шукк.

Доктор злобно покачал головой.

— Шут ап! — крикнул он по-английски. — Закрой свою пасть, скотина!

— Это же просто невозможно, — стонал Шукк. — Это просто какое-то сумасшествие! Доктор, полковник, ведь я уже девять лет с вами... Для вас... Ведь я еще при Гиммлере работал против красных, у меня есть заслуги!

Рокк процедил сквозь зубы, не отрывая взгляд от окна, не повернув головы:

— Вы передавали наш материал организации Гелена. Пусть решают люди Гелена. А как они решат, ни вы не знаете, ни я.

— Они же меня заставили! — хрипло закричал Шукк. — Я отказывался, я не хотел. И у меня из этого же ничего не вышло! Полковник... в конце концов мы же союзники!

Доктор убрал газ, и машина медленно покати-
лась по просеке. Шукк все продолжал кричать, и
доктор, повернувшись к нему, спросил:

— Ты что, хочешь довести себя до паралича?

— Дайте мне шанс! — повторял Шукк. —
Дайте мне шанс!

— Сейчас мы вам предоставим его, — сказал
полковник равнодушно.

Он вышел из машины, обошел ее и, открыв
дверь на той стороне, где сидел Шукк, вытащил
его из машины. Шукк упал на колени, потом вско-
чил и бросил озадаченный взгляд на полковника:
он почувствовал, что с него сняли наручники. Ли-
ца полковника и доктора казались Шукку двумя
белыми, лишенными жизни пятнами. Шукк ничего
не понимал. Мысли проносились в каком-то беше-
ном танце. А машина отъехала в сторону, развер-
нулась и вновь остановилась. Рокк выглянул из ок-
на. Доктор включил приемник в машине на такую
мощность, что дурацкий припев разнесся на весь
лес: «Итс пэй-дэй, итс пэй-дэй!..» Рокк что-то
недовольно сказал доктору, и тот выключил при-
емник.

— Послушайте, Шукк! — вдруг сказал полков-
ник, и голос его прозвучал приглушенно и делови-
то. — Когда мы сообщили мадам Адельгейд обо
всем, что вы нам рассказали, она захотела встре-
титься здесь с вами. В этом прелестном местечке!

Шукк схватился за голову.

— Боже мой!.. — простонал он.

Доктор тоже высунул свой клюв из машины.

— Молись, Шукк! — сказал он и дважды на-
жал на сигнал.

Машина полковника рванулась вперед и вскоре исчезла за деревьями.

За спиной Шукка слышались шаги. Оглянувшись: два неряшливо одетых человека, не скрываясь, подходили к нему. В их руках были автоматы, а лица исключали всякую возможность каких бы то ни было переговоров. Шукк еще не успел их рассмотреть, как короткие автоматные очереди настигли его.

Машина полковника выехала на шоссе, чтобы забрать оставленных там людей. Звук выстрела донесся и сюда, сухой и короткий треск.

— Аминь! — прокаркал доктор.

ТРЕВОГА

На часах было пять, когда Коллинз встал из-за своего стола. Хансен захлопнул последнюю папку. Они вдвоем пересмотрели все документы, находившиеся в сейфе, чтобы установить, не стащил ли Шукк чего-нибудь перед своим разоблачением. Но проверка показала, что опасения были напрасны. Коллинз потянулся так, что хрустнули суставы. Отдернул штору и открыл форточку. Солнечное ясное утро хлынуло в комнату потоками света. Неожиданно майор вспомнил Франтишка. Результат проверки документов примирил его со всем миром. Коллинз достал бутылку виски и налил полные бокалы себе и Хансену.

— Пейте, — сказал он. — Вы это заработали... Не хотелось бы вас спрашивать, вы, кажется, слабы в коленках, когда речь касается гуманизма. Но все-таки, что нам делать с Франтишком?

Хансен пожал плечами.

— Право, не знаю... Конечно, его нужно было бы примерно наказать. Но, с другой стороны, это преданная душа, и у нас он довольно долго... Ну, а как шофер или садовник Франтишек безукоризнен.

— Ладно, тащите парня сюда, — усмехнулся майор. — Так и быть, смиростивимся...

Хансен засмеялся и вышел из кабинета. Майор отхлебнул виски и сразу же вспомнил Лиз. Черт возьми, да он ведет себя совсем как монах! И когда еще подвернется возможность развлечься как следует?

Хансен приволок растерянного, побледневшего

Франтишка. Коллинз сделал знак, чтобы Франтишек не входил в кабинет.

— На этот раз я тебя решил не выгонять, — сказал он. — Благодарю мистера Хансена.

Майор вдруг рванулся к Франтишку и заревел на него во весь голос:

— И если еще раз кто-нибудь заберется в наш сад, кто бы ни был — собака, слон или прима-балерина столичного балета! Что ты сделаешь?

Франтишек вытянул дрожащие руки по швам.

— Буду стрелять, господин майор!

— Слава богу! — проворчал Коллинз. — Хотелось бы верить... Кру-гом!

Франтишек моментально исчез. Коллинз отхлебнул виски, обронил:

— Парень у нас не состарится... — Опустил стакан и неожиданно громко заявил Хансену: — Но и вы, Хансен. Если еще что-нибудь вам покажется подозрительным и вы через десять минут мне об этом не доложите... Это я говорю вам, как мужчина мужчине. Надеюсь, что вы понимаете?..

Он уже хотел поднести бокал к губам, как вдруг в комнате Пегги заработал телеграфный аппарат. Телеграммы, как правило, принимала сама Пегги, но было еще слишком рано и в ее комнате никого не было. Коллинз поставил бокал на стол.

— Идемте, Хансен...

Коллинз подхватил выбегающую из аппарата ленту и начал читать. Глаза его сузились, но голос казался равнодушным.

— Ускорить подготовку операции по правительственному телеграфу... Значит, совсем скоро...

— О'кэй! — ответил Хансен и сделал большой

глоток из своего стакана. Его взгляд упал на стеной календарь. Он подошел к нему и оторвал листок. Сегодня было 29 июня, пятница...

К величайшему облегчению, Коллинз отпустил Хансена на весь день. Сам Коллинз в предчувствии наступающих событий хотел провести этот утренний час в приятной близости к своему бару, оборудованному прямо в кабинете. А когда Хансен вновь вошел в кабинет, чтобы в соответствии с правилами доложить о своем отбытии в город, глаза майора уже блеснули.

В передней комнате возилась Пегги. Хансен некоторое время наблюдал, как она орудует губным карандашом.

— Что-нибудь новенькое пришло? — спросил он. — По телеграфу?

— Пока нет, — ответила Пегги.

— Я вам не нужен?

— Идите, идите...

— Хорошо, Пегги...

Хансен вышел на улицу и направился к центру города. Незаметно для самого себя прибавил шагу. «А что, если Коллинз, — пронеслось в голове, — вопреки всем доверительным беседам приставил ко мне какую-нибудь глазастую тень?» Хансен даже остановился. Но нет, за ним никто не следит.

Впервые за много пасмурных дней распогодилось. Дома тонули в мягком золотистом мареве. Рынок, мимо которого он проходил, порастил его оглушительно яркими красками цветов и зелени.

ИЗВЕСТИЕ

Еще издали Хансен заметил девушку, с которой он познакомился у отметки 55,5 на нюрнбергской дороге. Она сидела за дальним столиком на открытой веранде. Сердце Хансена забилося учащенно. Это было неожиданное для него чувство, чувство юноши, спешащего на тайное свидание. Он ничего не знал об этой девушке, кроме того, что она прислана ему в помощь. Еще одно доказательство важности его задания.

Много позже он узнал, что ее отец, известный немецкий ученый, страстно выступил против атомного и водородного оружия, был изгнан из университета и, затравленный ученой чернью, вынужден был покончить с собой. Элла — так звали девушку — продолжала учиться, у нее хватило ума и проницательности, чтобы понять тайные пружины политической интриги, окончившейся так трагически. Она увидела и узнала тех, кто был противниками ее отца, и без колебаний включилась в борьбу, выбрав самый опасный участок.

Но в это утро Хансен был склонен видеть в ней только очень привлекательную девушку, непринужденно сидящую на пестрой веранде городского кафе. Он поднялся на веранду и, сделав вид, что ищет места, будто невзначай спросил:

— Не позволите ли?

— Пожалуйста, — сказала Элла, показав на стул.

К столику поспешно подошла официантка.

— Мне хотелось бы позавтракать, — сказал Хансен.

— Будете пить кофе?

— Нет, молоко.

Официантка ушла. Элла улыбнулась Хансену.

— Сидите на диете?

— Нет, просто не выпался, — ответил Хансен.

— Мне также не пришлось выспаться... — сказала Элла.

Они сидели и болтали, как и подобает случайно встретившимся за столом посетителям. Временами беседа прекращалась, и они спокойно любовались чудесным ландшафтом, открывающимся с веранды.

По ступенькам лестницы поднялся разносчик газет. Не жалея голоса, закричал:

— Дневной выпуск! Дневной выпуск! Канцлер едет на курорт! Дневной выпуск! Советская нота отклонена! Дневной выпуск!..

Хансен купил газету, быстро ее просмотрел и вдруг вздрогнул: на фотографии он увидел труп мужчины... Вокруг был лес и какое-то озеро невдалеке. Сомнений никаких не было — это Шукк! Его лицо нельзя было не узнать. Хансен сложил газету так, чтобы Элла увидела фотографию под сенсационными заголовками. Элла будто невзначай коснулась его руки.

— Я уже читала газету, — сказала она. — Этот человек из вашего центра?

Хансен кивнул.

Они были совсем одни. Даже официантка покинула веранду. Элла сделала глоток и, не опуская чашку, тихо сказала:

— Из Берлина передают. Вы должны все окончить до истечения сорока восьми часов...

Хансен снова кивнул. Нечто в этом роде он и ожидал услышать. Недаром к шефу пришла эта странная утренняя телеграмма.

— Я даже знаю основания для такой спешки.

— Что я должна буду сделать для вас? — спросила Элла, спросила по-деловому, и Хансен, которого известие из Берлина очень взволновало, ответил также деловым тоном.

Делая вид, будто показывает своей соседке что-то вдаль, он сказал:

— Итак, завтра... Мне нужен автомобиль, комбинированный, с вместительным багажником. Пусть стоит возле рыночной площади. С ключами в боковом отделении. Не позже восемнадцати часов. Это возможно?

Элла кивнула.

— Вы найдете «комби» с берлинским номером. Запомните его: «B-TV 235».

— B-TV 235, — повторил Хансен медленно. — На этой машине спустя час я покину город.

И опять Элла ответила так, будто была уже заранее предупреждена о всех замыслах Хансена.

— Выезжайте из города по направлению к автостраде. В тридцати километрах от города я буду вас ждать. Вы знаете моего «дофина»? Вы поедете за мной до автострады. Там вы передадите «комби» со всем содержимым, а дальше поедете со мной. И другим путем... Вам ясно?

Хансен успел привыкнуть к точности, но такая исключительная точность удивила даже его.

— А если что-нибудь произойдет? — спросил он тихо.

— Произойти ничего не может, — коротко ответила Элла.

— Ну, а если все-таки?..

— А вы упрямы, — улыбнулась Элла. — Ну хорошо. На всякий случай будем придерживаться правила: действовать по собственному усмотрению.

Появилась официантка, и Элла расплатилась с ней. Расплатился и Хансен.

И опять они были наедине со своими мыслями.

— Скоро все будет позади, — сказала Элла. Хансен кивнул.

— Я только что об этом подумал. Но нужно будет не только все выполнить, но еще суметь вернуться домой. И встретиться с сыном...

— Это будет скоро, — сказала Элла тихо.

Хансен достал из бумажника сложенную бумажку.

— Вот еще что... Эту телеграмму нужно будет отправить из Гармиша. И так, чтобы адресат здесь, в Вюрцбурге, получил бы ее между двенадцатью и часом дня.

— Дайте-ка мне, — сказала Элла и прочла вполголоса: — «Мистеру Коллинзу, «Конкордия экспорт-импорт». Вюрцбург. Жду тебя к концу недели. Ужасно одиноко. Лиз».

Элла удивленно спросила:

— И Коллинз на это как-то прореагирует?

— Безусловно! — ответил Хансен.

Они продолжали сидеть. И Хансен и Элла оттягивали момент расставания.

— Вам нужно идти, — сказал, наконец, Хансен.

Элла взяла со стола свою сумочку и встала. Хансен продолжал сидеть. Она не подала ему руки и, кивнув, пошла к выходу, но вдруг повернулась и сказала:

— Я забыла сказать вам до свидания.

— Ни пуха ни пера! — ответил Хансен, поджав и тотчас же опустив руку.

«Ни пуха ни пера...» — повторил он тихо еще раз, когда Элла уже покинула веранду.

КОНЕЦ НЕДЕЛИ

Утром в субботу солнце взошло сияющим шаром на свежевывытом лазурном небе. Майор Коллинз вошел в рабочую комнату Хансена, широко улыбаясь, уселся на стул и вытянул ноги. Хансен продолжал работать. Коротко кивнул шефу.

— Что-нибудь случилось, майор?

— Нет, ничего... А может быть, вы все-таки догадаетесь угостить вашего босса чем-нибудь приличным?

— Простите, шеф! — спохватился Хансен. Он достал из ящика стола бутылку виски и стакан. — Я просто не знал, что у вас так сильно пересохло в горле.

Коллинз выпил и вновь обратился к Хансену.

— Видели новые инструкции из главного управления? А мне так нужен был денек, Хансен! А сейчас мне не позволят...

Коллинз достал из кармана телеграмму и, развернув ее, протянул Хансену. Хансен прочел телеграмму чуть ли не по складам, в глубине души это чтение доставило ему удовольствие. Текст телеграммы был ему слишком знаком.

«Мистеру Коллинзу, — читал он. — «Конкордия экспорт-импорт». Вюрцбург. Жду тебя к концу недели. Ужасно одинока. Лиз».

— Но это же?!

— Малютка из Гармиша, Хансен! — ответил на «удивленный» возглас Хансена майор. — До Гармиша рукой подать. Что вы думаете об этом, Хансен?

— Думаю, что вы не обязаны сообщать своим

подчиненным, где вы будете проводить субботний вечер. Вы, конечно, будете в Вюрцбурге, но где именно? — Хансен пожал плечами. — А вернетесь на следующий день, к обеду...

Коллинз вновь поднял бокал.

— Я такого же мнения, Хансен. Хотел вас информировать на всякий случай... Ваше здоровье, Хансен!

...В тот момент, когда Коллинз уже выкатывал свою машину из гаража, на рыночной площади остановился комбинированный автомобиль с номером «В-TV 235». Элла вложила в боковой карман сумку с продуктами и автомобильный ключ и вышла из машины. Потом перешла дорогу и направилась прямо к рынку.

Хансен уселся в саду под большим зонтом. Поставил рядом бутылку с кока-колой, развернул иллюстрированный журнал и углубился в изучение фотографий. Коллинз выехал за ворота и махнул рукой ему на прощанье.

— Берегите дом! — крикнул он.

Хансен задумчиво посмотрел вслед автомобилю.

Немного позже из дому выбежала Пегги. Она была страшно размалевана и явно была настроена поймать сегодня свой кусочек счастья прямо за вихор. На углу — Хансен это успел заметить — ее ожидал в своей машине доктор с ястребиным носом. Как он сумел догадаться, что в лице Пегги он имеет дело с существом женского пола, этого и сам полковник Рокк не сумел бы объяснить.

Пегги радостно помахала Хансену сумочкой, и тот отсалютовал ей журналом.

— Гуд бай, Пегги! Желаю счастья!

Хансен вновь откинулся в кресле, мельком взглянув на часы. Времени было еще много. А пока нужно еще и еще раз продумать все, до мельчайших подробностей. Должно пройти благополучно, если, конечно, удастся отправить куда-нибудь Франтишка.

Едва он подумал о Франтишке, как тот сразу же вынырнул на садовую дорожку. Под мышкой он нес с десяток круглых палок для кустов садовых роз и направлялся прямо к нему.

— Что с тобой, Франтишек? — спросил Хансен. — Сегодня такая чудесная погода, а ты все ковыряешься в земле. Что с тобой?

Франтишек откинул палки, подошел к Хансену. Конечно, у него кое-что было на сердце. Он уже давно был знаком с одной девушкой, еще до печального происшествия с дамой-собачницей в саду. Девушка эта работала на бензоколонке.

— Почти такая же девушка, как у нас, в Пардубице, господин Хансен...

Франтишек уговорился с ней встретиться как раз сегодня.

— Ее зовут Гизела, мистер Хансен. А какие у нее волосы!..

Хансен почесал за ухом.

— Не знаю, Франтишек, не знаю... Тебя ведь на три недели лишили увольнения. Ты еще должен радоваться, что так все обошлось. А если ты наделаешь глупостей? А если ты еще что-нибудь выкинешь?

— Никаких глупостей, мистер Хансен! — Франтишек даже постучал кулаком в грудь. — Никаких! Только кока-кола. Гизела сегодня свободна,

а завтра она уезжает... Мне тоже ведь нелегко, мистер Хансен. Я все один да один...

«Кто тебя еще так поймет, как я», — подумал Хансен.

— О'кэй. Но пойдешь, а не поедешь, машину не дам. И завтра утром возвращайся. Трезвым. И меня не буди. Просто продолжай нести вахту, пока я тебя не сменю. Понял?

Франтишек не знал, что и говорить от радости.

— Мистер Хансен, вы здесь единственный...

— Знаю, знаю, я здесь единственный, — прервал его Хансен. — А ну, дуй отсюда! Да не забудь, завтра утром чтобы был на месте, и трезвый!

Хансен задумчиво посмотрел вслед Франтишку и пробормотал под нос: «Уходи, Франтишек, так будет для тебя лучше».

Хансен продолжал нехотя перелистывать журнал. Не прошло и десяти минут, как чех появился у ворот в своем лучшем костюме. Хансен встал, подошел к решетке и взглянул на улицу, потом медленно побрел в сторону виллы. «Конкордия экспорт-импорт» со всеми своими сокровищами была оставлена на него одного. Он сумеет сохранить эти сокровища.

Хансен споткнулся о связку палок, которую бросил Франтишек прямо на грядку, когда подходил к нему, чтобы отпроситься в город. Хансен поднял связку и вытащил из нее одну из палок. Он все-таки был прежде всего токарем и сейчас вдруг вспомнил, как ему приходилось передвигать массивные металлические блоки с помощью роликов-

катков. А эти круглые, чисто обработанные палки вполне могли пригодиться, когда он будет выкатывать тяжелый сейф-холодильник из комнаты Коллинза. Он вставил палку в связку и быстро пошел к вилле.

ШПРИЦ ВЫРУЧИЛ

Майор Коллинз напевал себе под нос, когда его машина на недозволенной скорости мчалась по автострате. Он ни разу не взглянул на подернутый шелковистым сиянием ландшафт Швабской юры. Помимо вздрагивающей стрелки спидометра, его глаза видели другие картины. Если он доберется до Гармиша в подходящее время, то на много часов сможет забыть и службу и все неприятности... Итак, в его ушах звучала торжествующая звонкая музыка, а стрелка спидометра показывала между тем 130 километров в час. И никто в главном управлении и знать ничего не будет. Хансен достаточно хитер, он придумает что-нибудь, если понадобится.

Хансен к этому времени уже успел переложить содержимое своего сейфа внутрь вместительного брезентового мешка. Теперь пора заняться кабинетом шефа. Ключ, сделанный Максом, не подвел и на этот раз. Мешок пополнился бумагами из сейфа Коллинза. Вначале Хансен аккуратно уложил папки, затем туда же спряталась вся картотека фирмы «Конкордия», планы, сообщения агентов, все до малейшего клочка бумаги, который мог бы иметь хоть какое-нибудь значение. Неожиданно

раздался какой-то шум. Хансен тихонько выругался. Мимо ворот проезжал какой-то автомобиль. Вот он остановился. Хансен подхватил мешок с документами и выбежал в коридор. Куда спрятать мешок? Хансен открыл дверь мужского туалета, сунул мешок за дверь и запер ее. Теперь быстро выдернуть ключ из двери кабинета!..

Дверь в вестибюль отворилась, и на пороге показалась Пегги, ужасно расстроенная, заплаканная, пьяно спотыкающаяся. Она сразу же исчезла в своей комнате, так и не взглянув на Хансена. Из-за двери донеслись истерические всхлипывания. Пикник с доктором окончился совсем не вовремя, и это никак не входило в планы Хансена. Он вышел в сад, чтобы взглянуть на доктора.

Завидя Хансена, доктор приподнялся на сиденье и попытался выйти из машины. Он был совершенно, смертельно пьян. Ему удалось сделать несколько шагов по направлению к воротам, но потом он кому-то погрозил кулаком, крепко выругался и бросился обратно в свою машину.

— Хеллоу, док! — крикнул Хансен.

Доктор приподнял голову, задумчиво посмотрел на Хансена и вдруг громко сказал:

— Ну и зелень!

— Девочка плачет, что-нибудь не так, док?

— Не так? — Доктор захихикал. — При первом же поцелуе... — доктор постучал для выразительности себя в грудь, — при первом же поцелуе она заехала мне в физиономию... — Доктор упал на сиденье и тут же дал газ. Машина подпрыгнула и, вихляя из стороны в сторону, умчалась.

Хансен вернулся обратно в виллу. Из комнатки Пегги все еще доносились всхлипывания.

Хансен вошел в свою служебную комнату, из ящика письменного стола достал начатую пачку сигарет и бутылку виски. Из другого ящика достал шприц и ампулу. С помощью шприца ввел в одну из сигарет содержимое ампулы. Остаток вылил в виски. Дозы должно было хватить до утра. Тихонько постучал в дверь:

— Пегги!

Отчаянный рев был ему ответом. Хансен нажал на ручку и вошел.

Пегги сидела за столом, уткнув в ладони заплаканное, расстроенное лицо.

Хансен успокаивающе провел рукой по ее растрепанным волосам.

— Доктор того не стоит, чтобы столько плакать. Он просто негодяй!

Рядом с Пегги стоял стакан Коллинза, и Хансен наполнил его виски. Пододвинул Пегги.

— Выпейте, Пегги, это здорово помогает, — сказал он. — Можете мне поверить.

Пегги подняла голову, все еще колеблясь, взяла стакан из рук Хансена и отпила несколько глотков.

Хансен услужливо протянул пачку сигарет, начиненную снотворным. Сигарету он наполовину выдвинул из пачки.

— Вот хорошо, Пегги, а теперь выкурите одну сигаретку, и все...

Пегги взяла сигарету, и Хансен поспешил щелкнуть зажигалкой. Пегги тоскливо взглянула на него и несколько раз глубоко затянулась. Легкая

пленка затуманила ее взгляд. Вскоре она положила голову на стол и вздохнула глубоко и спокойно. Хансен подошел к окну и принялся наблюдать за садом. Когда он повернулся, Пегги спала крепко и, по-видимому, без сновидений.

Хансен взял уснувшую Пегги и осторожно отнес ее в свою комнату. Положил на кушетку, заботливо укрыл, снял запачканные туфли с ног. Если Пегги как следует выспится, это ей пригодится. Завтра у нее будут хлопоты. И от них Хансен уже не сможет ее избавить.

Происшествие с Пегги заняло немало времени. На часах было уже около пяти. Хансен вышел из сада и по переулку обогнул виллу. Здесь обычно стоял его «фольксваген». Он ставил его там, чтобы не загораживать подъезд к вилле. По-субботнему оживленными улицами проехал к рыночной площади. Рядом со стоянкой, несколько нарушая правила движения, стоял знакомый ему «дофин». Взглянул через плечо: сидящая в «дофине» Элла тут же тронула свою машину с места и исчезла среди торопливо снующих автомашин.

На условленном месте Хансен нашел «комби» «В-TV 235». Машина была почти новой. «Как раз!» — подумал Хансен, оценивая ее вместимость. Он запер свой «фольксваген», пересел в «комби» и через пять минут уже подъезжал к особняку, занимаемому фирмой «Конкордия».

Хансен подогнал машину к широко открытым дверям садового домика Коллинза. Открыл заднюю дверь «комби» и положил две доски на ступеньки крыльца. Теперь нужно погрузить холодильник прямо в машину. Хансен положил поверх мостика

из досок несколько круглых палок, выточенных Франтишком для садовых роз, и, больше не скрываясь, принялся взламывать дверь в «берлогу» Коллинза. Он распахнул все двери и начал самое трудное: холодильник-сейф в комнате Коллинза был необычайно тяжелым. В одиночку с таким заданием вряд ли кто другой справился бы. Пот ручьями струился по его лицу, но Хансен, шепча вполголоса: «Горячие материалы я держу в холодном месте!», вновь и вновь перекаптовывал ящик, подставляя под его стальные бока катки. И холодильник медленно, но верно приближался к открытым дверцам багажника.

ТВЕРДЫЕ БУМАГИ

Франтишек встретился с Гизелой возле бензоколонки.

— Ну, куда пойдём? — спросила она.

Франтишек промолчал. Конечно, ему бы хотелось побыть с Гизелой наедине, лучше всего где-нибудь в парке. Но прежде чем заикнуться об этом, нужно было утрясти одно недоразумение, которое доставляло ему беспокойство. Дело в том, что Гизела частенько видела его у бензоколонки восседающим за рулем шикарного автомобиля, принадлежащего Коллинзу. Автомобиля с американским номером! А как ей сказать, что он вовсе не владелец этого автомобиля, что он только простой шофер? И однажды он промолчал, когда она его спрашивала. Но дело это нужно как-то уладить. И сегодня же. Пока он пребывал в нереши-

тельности, в маленьком кабачке под названием «Я буду дома» заиграл музыкальный ящик. Франтишек бывал в этом кабачке и знал, что там есть немало преуменьшенных уголков. В одном из таких уголков он все и объяснит Гизеле.

— Давай сперва выпьем, Гизела, — предложил он. — Кока-колу, и еще я тебя угощу мороженым. А потом потанцуем.

Гизела сразу же согласилась. Ей показалось, что Франтишек чем-то огорчен. Почему не облегчить признание?

Они уселись за столик, а когда Франтишек раскрыл перед ней коробку конфет, Гизела быстро наклонилась к нему и чмокнула в щеку.

— Ты прелесть! — воскликнула она. — А как же тебя все-таки зовут?

— Франтишек...

— Франтишек? Но это не американское имя. Разве в Америке так кого-нибудь зовут? А я думала, что ты американец.

Вот и все сказано. Франтишек так сжал руки, что пальцы побелели.

— А я тебе и не говорил, что я американец.

Гизела внимательно посмотрела на него, и у Франтишка кровь зашумела в ушах. Для большинства девушек, с которыми он здесь знакомился, чех, или итальянец, или югослав стояли на той же ступени, что и какой-нибудь бродячий разносчик товаров. А Гизела, как она решит?

— А кто же ты? — спросила она.

— Я чех, из Пардубице.

— А как ты попал в Вюрцбург?

Ну что было отвечать? Он даже вспотел. По-

том выдавил из себя несколько слов, лишенных всякого смысла, и замолчал. Ну о чем ей рассказывать? Не о том же, как он оставил цветочные и огуречные грядки, чтобы поискать на Западе жизнь, полную «замечательных приключений», о которых рассказывал «Голос Америки».

А любопытство Гизелы было тем временем разбужено. И она задавала вопрос за вопросом. Она была бойкой девушкой. И хлеб насущный Гизела зарабатывала нелегким трудом. Ей часто встречались в сияющих хромированных деталями автомашинах разные спесивые господа, с которыми она вступала в короткие, но поучительные диалоги. Она знала людей и научилась кое-чему у своей бензоколонки.

— У тебя что, было имение? У тебя все отобрали? Кого-нибудь убили из семьи?

Франтишек только отрицательно качал головой.

— Да нет, Гизела. Я садовник. Больше занимался цветами, но и морковью и огурцами, но цветами больше...

— Так ты только шофер этого американца?

— Ну да, я его вожу... — сказал с видимым облегчением Франтишек. — Только его вожу. И я только шофер, просто шофер.

Ну и вогнала она его в пот! Он даже расстегнул кожаную куртку и хотел было ее снять, да вовремя спохватился и вновь застегнул замок-змейку. Но было уже поздно. Быстрые карие глазки Гизелы, внимательно следившие за каждым его движением, все увидели и все поняли.

— Что у тебя под мышкой? — спросила она, побледнев. Губы ее задрожали.

— А это, это карман для бумаг... Понимаешь?

Гизела сразу почувствовала, что Франтишек совсем заврался. Она была и разочарована и возмущена им. Доброе знакомство никогда не начинается с вранья, особенно с такого...

Ее рука быстро протянулась к Франтишку, туда, где у него была подвешена кобура. Рука сразу же ощутила холод металла. Нет, она не обманулась в своих подозрениях. Гизела прижала к себе сумочку. Открытая коробка с конфетами так и осталась лежать на столе.

— Твердые же у тебя бумаги! — сказала Гизела. — Ты мне солгал, в первый же день солгал! И вообще мне не нужен штатский с пистолетом в кармане.

Она чуть ли не побежала к выходу. Франтишек поспешил за ней. У него было такое чувство, будто изнутри чьи-то руки сдавили ему горло. Он уже почти догнал Гизелу, но его остановил кельнер.

— Сперва нужно расплатиться, мистер!

Франтишек схватил кепку и выбежал на улицу, но Гизелы и след простыл. Он почувствовал себя совершенно несчастным. Встретиться с Гизелой в ближайшее время он уже не сможет. Повесив голову, Франтишек побрел к вилле.

„РУКИ ВВЕРХ, МИСТЕР ХАНСЕН!“

Хансен уже подтащил шкаф к порогу. Осталось преодолеть самый трудный участок: мост из досок, одним концом лежащих на ступенях, а дру-

гим опирающихся на край багажника. Тяжело дыша, Хансен оторвался от работы, искал глазами, не осталось ли еще круглых палок для катков. Но тут, подняв голову, сразу же заметил за кустами чьи-то ноги, обутые в коричневые ботинки. Это мог быть только Франтишек. Значит, он вернулся! Это пронеслось в голове за какую-то долю секунды, и Хансен продолжал выпрямлять усталую спину как ни в чем не бывало.

Франтишек, оказывается, вошел в сад через калитку в боковой стене усадьбы и, еще не вступив в сад, услышал какой-то странный шум, доносящийся из садового домика.

«Что же там происходит? Где же мистер Хансен? Что там опять?» — думал Франтишек, и в его ушах загредел угрожающий голос Коллинза: «А если опять кто-нибудь заберется в наш сад, что ты будешь делать?»

И Франтишек, больше не раздумывая, вытащил из кобуры пистолет и отодвинул предохранитель. Странная улыбка пробежала по его лицу, когда он вспомнил Гизелу. Ему выпала такая же судьба, как и всем здесь, как Шукку, как Хансену... И ничто ему не поможет. Вместе грешили, вместе и ответ держать. Осторожно, прячась за кустами, прокрался он к садовому домику, увидел «комби», увидел Хансена, выкатывающего холодильник из квартиры Коллинза. Что все это может означать? Что он тут делает? Да еще этим занимается сам мистер Хансен! Весь мир сошел с ума... Он стал за кустом и медленно поднял пистолет на уровень глаз. Ничего другого это все не может означать. Чужой автомобиль, холодильник; Хансен, который

возится с этим тяжеленным ящиком в час, когда в здании фирмы нет ни одной живой души. Нет, дело ясное...

Хансен в этот момент наклонился и повернулся к Франтишку спиной. Вот подходящий момент. Франтишек прицелился, ствол пистолета задрожал.

— Руки вверх, мистер Хансен! — хрипло прокричал он.

Хансен коротко взглянул в его сторону, но так, будто рядом вовсе не было никакого Франтишка с пистолетом в руках. Он старался приподнять холодильник и продолжал безмятежно этим заниматься. Потом он сказал вполне дружелюбно:

— С ума сошел, парень, что ли?.. Что ты тут раскричался? Спрячь свою железку и помоги мне, ну, скорее!..

Франтишек смущенно мигнул. Спокойствие Хансена лишило его уверенности. Он опустил пистолет.

— Опять наклюкался какой-нибудь бурды? — спросил Хансен из-за шкафа.

— Что вы, мистер Хансен, ни капли! — принялся оправдываться Франтишек. — Только кока-колу! Бутылочку кока-колы!

Рука с пистолетом опустилась, а этого-то только и ждал Хансен. Он вовсе не испугался дрожащего в руках Франтишка пистолета, скорее всего тот все равно промахнулся бы. Звука выстрела — вот чего боялся Хансен, просто выстрела, хоть направленного прямо в голубое небо. Выстрел сразу же всполошил бы соседей или случайных прохожих. Теперь же Хансен выскочил из-за холодильника,

коротким ударом выбил из рук Франтишка пистолет, а правой рукой нанес жесточайший удар в подбородок. Франтишек закатил глаза и осел на землю.

Ощущение, что сегодня все сложилось не так, как нужно, удесятирило силы Хансена. Черт возьми! То является Пегги, затем Франтишек! Нет, все равно, все равно, все равно... И последним напряжением сил Хансен втащил холодильник в машину. Одно дело сделано... Он сразу же бросился

к вилле, вытащил из туалетной комнаты мешок с документами и погрузил его в машину. Захлопнул задние двери, смахнув тыльной стороной ладони пот со лба, наклонился над Франтишком. Тот растерянно открыл глаза и сейчас массировал свой подбородок. Хансен поставил его на ноги — Франтишка качало из стороны в сторону — и потащил его в дежурку, прямо к его койке. Танцовщицы всё так же улыбались ему со стены, всё так же на месте висел его автомат, всё так же лежали на полке газовые гранаты. Взгляд Франтишка скользнул по лицу Хансена и дальше, в комнату Коллинза. Наконец-то он понял все до конца. Он бросился на койку и замотал головой:

— Тут все предатели! Все!

— Предатели? А может быть, и не все предатели? — сказал Хансен. — Есть два варианта, Франтишек... Либо я тебя сейчас запру в карцер. И тогда вернется Коллинз и займется тобой. Это первый вариант... А второй... Ты сейчас сядешь со мной в машину. И не выкинешь ничего по дороге! И без всяких штук! А по пути я объясню тебе, кто здесь предатель, а кто нет. Даю тебе две минуты. Решай!

Франтишек закрыл глаза и попытался придать своим мыслям хоть какую-нибудь стройность. Это оказалось для него непосильной задачей, да еще в такой жаркий субботний день, день, который он мечтал провести с Гизелой, одной Гизелой. Да что это значит: «Решай!»? Что ему решать? Коллинз его... да он просто его застрелит, как только все обнаружится. Кое-что в этом роде уже происходило в этом проклятом доме. Шукк ему как-то рас-

сказал под пьяную руку. А Хансен? Он же был самым стойким парнем этой фирмы! Это же было точно... Да ему нечего решать!

Франтишек встал и шагнул к Хансену. Тот быстро потащил его к машине. По дороге снял со стены автомат, взял газовые гранаты.

«Кто знает, для чего эти вещички могут пригодиться?..» — подумал он.

ПОЛОЖЕНИЕ ХУЖЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО

Коллинз въехал в Гармиш, когда уже начало темнеть. Вот и дом, тот самый дом, о котором ему говорила Лиз. Коллинз оставил машину на углу под фонарем и, прижав к боку громадный букет, тщательно подобранный для него Франтишком, на цыпочках стал подниматься по скрипучей лестнице. Пахло масляной краской, кислой капустой, еще чем-то... В доме жили небогато, это стало ясно Коллинзу. Но ничего, это не испортит ему настроения. На табличке надпись: «Лейтнер». Это, кажется, фамилия Лиз. Вот она обрадуется! Коллинз нажал на кнопку звонка и спрятал лицо за букетом пахучих цветов. Дверь открылась, а Коллинз, ничего не видя из-за своего букета, шутливо прокричал:

— Ку-ку, дарлинг... Ку-ку, дорогая...

И в этот момент чей-то кулак, сплющив цветы, обрушился на нос Коллинза. Майор пошатнулся и чуть было не упал. Он привык к ударам, он был слишком тренированным боксером, чтобы упасть,

но его ошеломила внезапность нападения. Одно стало ясно: такой удар не могла нанести нежная ручка его Лиз. Коллинз отбросил букет в сторону и начал запоздалую оборону...

И ОПЯТЬ ГЛУПАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Хансен был вполне доволен машиной. Он легко держал скорость в сто десять километров в час. Вюрцбург уже давно был оставлен позади. Солнце близилось к закату, и сумерки должны были скоро начаться. Вдруг Хансена охватило беспокойство: куда же подевался белый «дофин»? Ведь Элла дала ему совершенно точные указания: город он покинул в назначенное время и по направлению к автостраде, как и условились. Место встречи на тридцатом километре. Но и через тридцать километров белый «дофин» не встретился Хансену. Значит, что-то заставило Эллу изменить ее планы. Возможно, она проехала дальше по автостраде. Ну конечно, это так и есть. Хансен продолжал нестись, не снижая скорости. Что бы ни случилось, задание должно быть выполнено. Что ж, придется действовать по собственному разумению.

Автомат лежал на коленях Хансена. Он ему мешал, и Хансен подумал о том, что не худо было бы от него избавиться. Взглянул искоса на Франтишка и уверенно положил автомат рядом с ним на сиденье.

Франтишек, казалось, дремал. Будто почувствовав взгляд Хансена, он вдруг откашлялся, провел рукой по подбородку и спросил:

— А куда мы все-таки едем?

— Не волнуйся, парень, — сказал Хансен. — Я не Рокк, а ты не Шукк. И направляемся мы вовсе не к лесному озеру.

Франтишек замолчал, что-то обдумывая. Потом задал новый вопрос:

— Вы служите, мистер Хансен, в разведке бундесвера? Да?

Хансен вздохнул.

— Скажи, парень, где такие берутся, как ты?

Франтишек опять ничего не понял. Он даже открыл рот.

— Ох, и туго же ты соображаешь! — прокричал ему прямо в ухо Хансен.

Он резко затормозил и тут же убедился, что Франтишек вовсе не такой тугодум, как ему показалось: Франтишек быстро накинул свою куртку поверх автомата, лежащего на сиденье. Полицейский сделал Хансену знак — свернуть в сторону. Там дальше по автостраде все было забито машинами. Хансен заметил «Скорую помощь» и аварийную машину. Ясно: впереди произошел несчастный случай.

Хансен выглянул из машины.

— Я не смогу проехать? — спросил он у одного из полицейских. — Чертовски спешу...

Полицейские посмотрели на него в нерешительности. Потом один из них сказал:

— А ну давай, только побыстрей. Те впереди тоже очень торопились...

Хансен медленно поехал мимо сгрудившихся автомашин. Вот и место, где произошел несчастный случай. Поперек дороги стоял груженный бревна-

ми грузовик, а в канаве разбитый белый «дофин» с сорванным и погнутым капотом. Холодный пот капельками выступил на лбу: «ДФФ-29»... Машина Эллы!

В нескольких шагах от места происшествия стояли шоферы с других машин. Хансен сделал им знак, чтобы они подошли к нему.

— Что тут произошло? — спросил он.

— Дурацкая случайность, — ответил ему один из шоферов. — Цепь порвалась у грузовика... Да и шофер был хорош, вдребезги пьян... По-субботнему.

— А что с людьми? — резко спросил Хансен.

— Пьяному что, пьяному море по колено, а вот женщину из белого «дофина» сейчас только увезли.

— Она мертва? — Голос Хансена прозвучал напряженно.

— Врач из санитарки сказал, что дело обстоит не так уж плохо. Она, правда; вся побита, в шишках и ссадинах. И все еще торопилась, все кричала: «Я должна ехать, я должна ехать!»

— С такой фигурой и на такой шикарной машине угодить в больницу, да еще в субботний вечер! — засмеялся второй шофер.

К машине Хансена подъехал полицейский на мотоцикле.

— Вы что здесь, посиделки устроили? А ну, проезжайте!

«Что ж теперь?» — задал себе вопрос Хансен. План Эллы лопнул, теперь осталось последнее, о чем они говорили на веранде кафе: действовать по своему усмотрению. Хансен больше не раздумывал. На одном из контрольных пунктов он должен будет прорваться через пограничный шлагбаум.

Это единственное решение. Если в главном управлении узнают, что тайное тайных в его руках, будет объявлен всеобщий розыск. И если он не сумеет к этому моменту покинуть Западную Германию, то все пропало. Тут не о чем спорить... Хансен дал газ и помчался вперед.

— Гоним и гоним, а куда? — сказал Франтишек. — Вы же мне ничего не сказали, мистер Хансен.

— Мы едем в Берлин, — ответил Хансен.

— К коммунистам?! — побледнел Франтишек. — Тогда лучше застрелите меня сразу! Прямо здесь!

Франтишек схватил автомат с сиденья, другой рукой повернул ручку двери. Он в любой момент был готов выпрыгнуть на ходу. Хансен правой ру-

кой вырвал автомат и его прикладом пребольно толкнул Франтишка в бок.

— Береги шкуру, парень! Ты что думаешь, я тебя везу на расстрел?

— А зачем же я вам нужен? — тихо спросил Франтишек.

— Потому что ты вовсе не принадлежишь этой банде в Вюрцбурге, а своему Пардубице. Там тебя ждут отличные сады и огороды, Франтишек.

Франтишек схватился за подбородок.

— Пардубице... — сказал он задумчиво.

— Твою голову, парень, нужно положить под паровой молот и с десяток раз стукнуть по ней, только тогда ты сообразишь, где тебе надлежит быть...

Спустились сумерки, и молочный туман затянул все вокруг. Хансен вынужден был включить фары, но скорость не сбавил. Протянул Франтишку пачку сигарет. Тот прикурил сразу две сигаретки, одну из них вставил Хансену в рот.

— А что там со мной сделают? — робко спросил Франтишек.

Хансен внимательно смотрел вперед. Движение на шоссе было очень оживленным.

— Трусишь? — спросил он.

Франтишек кивнул. Конечно, он боится. Кое-что ему вдолбили в голову.

— Когда мы переберемся по ту сторону границы, Франтишек, — заговорил Хансен деловым голосом, — ты расскажешь там о всех своих ошибках... А я помогу тебе во всем...

— Хорошо, — согласно кивнул Франтишек.

— Потом ты отправишься в свою страну и рас-

скажешь там всю правду. И начнешь все сначала... В этом тебе помогут твои земляки.

Франтишек недоверчиво скривил рот.

— А ты их не бойся, — улыбнулся Хансен. — Они такие же, как и я.

Они ехали молча. Ночь спустилась незаметно, и все погрузилось в голубую дымку. Кое-где проглядывали звезды. Франтишек устроился в своем углу поудобней и закрыл глаза. Ему больше не о чем было спрашивать.

ЗВОНК В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Сам Коллинз не смог бы объяснить, как он снова очутился в Вюрцбурге. А расстояние от Гармиша до Вюрцбурга было немалым! Коллинз выжал из своей машины буквально все, теперь она была годна лишь на лом. Ни на одну секунду за время этой бешеной* езды из Гармиша ему даже не приходила в голову мысль о возможности несчастного случая с ним.

В третьем часу пополудни перед фирмой «Конкордия экспорт-импорт» раздался визг тормозов. Коллинз перепрыгнул через забор и бросился к дому. В первых лучах зари перед ним открылась страшная картина. Самые худшие его опасения подтвердились. Дверь в его садовый домик была распахнута. Он бросился в дом. Вторая дверь взломана! Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в том, что сейф-холодильник исчез... Коллинз почувствовал неожиданную слабость и присел

на свою кровать. Его всего трясло как в лихорадке. Он был близок к обмороку. Коллинз заставил себя подняться и медленно побрел к зданию виллы. И здесь все двери были раскрыты. Сейф в его бюро пуст. Даже бумаги из его письменного стола и те отсутствовали. Тяжело ступая, прошел в комнату Хансена и вздрогнул, увидев лежащую на диване Пегги. Конечно, и этот сейф оказался пустым. Коллинз бросился к Пегги и потряс ее за плечо. Пегги открыла глаза и счастливо улыбнулась. Голова ее вновь откинулась на валик дивана.

Силы оставили Коллинза. Он «сгорел». Он конченный человек. Все позади... Коллинз тяжело опустился на стул и так сидел долго, не отрывая взгляда от мирно посапывающей во сне Пегги. Рот ее приоткрылся. Он понимал только одно: каждая секунда, которую он сейчас потеряет, только ухудшит его положение. Поднял телефонную трубку, набрал номер главного управления и негромко сказал:

— Говорит майор Коллинз. Соедините меня с полковником Рокком.

...А над автострадой загорался в утренней дымке новый день. По дороге Хансену стали попадаться какие-то странные громады; выставив вперед грозные стволы орудий, они, урча, ползли по полям. Франтишек проснулся и с любопытством уставился на них.

— Маневры? — спросил он.

— Угадал, — ответил Хансен.

Франтишек достал яблоко из продуктовой сумки, которую Элла заботливо сунула в боковой карман машины. Медленно сжевал его, выкинул остаток за окно.

— Как далеко от границы? — спросил он.

— Если не ошибаюсь, через полчаса будем на месте, — ответил Хапсен, взглянув на часы.

...Несмотря на очень ранний час, в конференц-зале главного управления находились все руководящие работники во главе с полковником Рокком. Дежурный офицер попросил заикающегося от волнения Коллинза обождать у телефона, а сам пошел докладывать Рокку. С первых же слов Коллинза полковнику стало ясно все до конца, а одного движения руки Рокка оказалось достаточным, чтобы тревога передалась остальным сотрудникам. Один за другим они подымались со своих мест, видя, как гримаса гнева сводит лицо полковника. Наконец Коллинз остановился, чтобы перевести дух, и тогда полковник Рокк, несколько раз открыв и закрыв рот, точно рыба, вытащенная из воды, заревел не своим голосом:

— Вы идиот, Коллинз! Вы слышите? На вашем месте я немедленно бы застрелился! Тотчас же!

Он бросил трубку и взглянул прищуренными глазами на остальных офицеров.

— Капитан, — обратился он к одному из офицеров, — немедленно арестуйте Коллинза... — Помолчал и повернулся к другому: — Майор Грин, известите генерала...

Полковник прошел в соседнюю комнату и нажал кнопку селектора. Во всех дежурках всех отделений, подчиненных главному управлению, раздался сигнал тревоги. Рокк прокашлял в микрофон:

— Общая тревога! Земля и небо! Земля и небо! Границу закрыть!

Он выключил селектор и отдал приказ третьему офицеру:

— Немедленно приготовьте описание личности Хансена и передайте фототелеграммами в армию, военно-воздушным силам, военной разведке, пограничной службе бундесвера, немецкой полиции!

Общая тревога привела все в движение. Открылись ворота ангаров, и в небо поднялись вереницы вертолетов. По сотням улиц понеслись юркие джипы с военными полицейскими в белых касках. Грузовики, наполненные солдатами, с воем выезжали из ворот казарм. Бесчисленные автомашины с одетыми в штатское агентами ринулись в погоню за Хансеном. В тысячах полицейских участков раздалась звонкая тревога. В бараках бундесвера надрывали глотки офицеры в зеленых фуражках, заливались свистки фельдфебелей. Походные радиостанции и пеленгаторы проносились по улицам городов, чтобы раскинуть свои антенны где-нибудь у тихих озер или на опушках рощ. Вдоль всей границы затрещали тысячи мотоциклов, мотоциклов с полицейскими, коренастыми американцами, с растерянными чинами полевой жандармерии... Вот это все и означали два слова полковника Рокка: «Общая тревога!»

ВЕРТОЛЕТ

Регулярное движение по автострате еще не было остановлено, и Хансен беспрепятственно приближался к границе. Фары он уже давно погасил. Усталость прокралась в мышцы рук, и Хансен с трудом отогнал навязчивую мысль: закатить машину куда-нибудь в укромное местечко и хоть на пару минут оторвать руки от руля. Он понимал: минута промедления, и все будет потеряно. Чтобы немного отвлечься, стал расспрашивать Франтишка о его вчерашнем приключении.

— Она хороша собой, эта твоя девушка? Кажется, ты с ней познакомился у бензоколонки?

Франтишек ответил в раздумье:

— Хороша... И умна. Хорошая девушка. Но в Пардубице есть девушки не хуже.

Франтишек улыбнулся, но вдруг его улыбка окончилась тем, что он, раскрыв рот, уставился куда-то вверх. Потом локтем толкнул Хансена.

— Мистер Хансен, посмотрите-ка, над нами вертолет!

Франтишек хотел еще что-то сказать, но вдруг остановился на полуслове и заметно побледнел. Посмотрел на Хансена долгим взглядом.

— Он что-то выскивает...

Но и Хансен уже увидел вертолет. Гудящим пауком повис он над автострадой. Рядом были видны розовеющие в утреннем свете облака... Мирная, просто идиллическая картина открывалась взору. И тем более чужеродным была эта громадная жужжащая птица над головой. Хансену стало казаться, что вертолет наблюдает только за ним, за его

машиной. Хотя к чему эти фантазии? Про его «ком-би» не знает ни одна душа на свете. Да, про «ком-би», правда, никто не знает, но вот про него знают многие... Он крепко сжал челюсти. Сомнений нет: сейчас уже все открылось. Этот вертолет и есть доказательство тому, что объявлен всеобщий поиск. И объявлен раньше, чем нужно, на полчаса, может быть, на двадцать минут! Это стало ясно и Франтишку. Он дотронулся до рукава Хансена и сказал:

— Ну, теперь все открыто, мистер Хансен...

Хансен покачал головой.

— Победитель выявится на финише!

Яркий указатель на обочине ставил в известность водителей о близости контрольного пункта. Еще один поворот, и показалась почти необозримая очередь стоящих в ряд автомашин. Да, поиски идут полным ходом. Вот огромные ящики транспортных автобусов, голубые рефрижераторы и огромные машины для перевозки мебели. Среди них затесались сотни грузовиков и легковых автомобилей. Шоферы вышли из машин, разгуливают вдоль дороги, курят, спорят, кое-кто в нетерпении переминается с ноги на ногу, кое-кто завтракает, сидя у обочины автострады. Некоторые терпеливо ждут своей очереди, другие размахивают какими-то бумагами. И всюду видны то белые фуражки полицейских, то каски пограничников, то вдруг мелькнет совсем белоснежная, как раскрывшееся от огня кукурузное зерно, каска военного полицейского. А над всей этой толчеей висит вертолет. Он то застывает на одном месте, то медленно плывет над рядами машин.

„ДЕЙСТВОВАТЬ ДЕЙСТВОВАТЬ НЕМЕДЛЕННО!“

— **Н**у и дела! — сказал Хансен и кивнул Франтишку на газовые гранаты.

Франтишек понял.

— Лоз! — сказал он по-немецки, потом почешки, потом добавил, чему-то улыбаясь, по-русски: — Давай!

Они медленно продвигались вдоль всей цепи неподвижных автомашин. Правда, шоферы некоторых автомашин, потеряв терпение, выезжали из ряда и возвращались по автострате назад. Но вот между двумя грузовиками показалась фигура взволнованного всем происходящим таможенника, который сделал Хансену знак, чтобы он остановился.

Хансен медленно нажал на педаль сцепления, затем на тормоз и тут же перевел ногу на педаль газа. Он не спеша достал свое удостоверение и показал его через окно таможеннику. Американский штамп на удостоверении был таким ярким и выглядел так солидно, что чиновник поднес руку к козырьку. Полицейскому, который стоял рядом, показалось маловероятным, что такой важный американский чиновник, — судя по удостоверению, один из бонз оккупационной армии, — разъезжает в столь скромной машине, а «комби» не имел никакого вида рядом с другими лимузинами. Полицейский в нерешительности посмотрел на таможенника, перевел взгляд на шлагба-

ум, рядом с которым толпились военные и полицейские.

Метрах в ста от Хансена проверял машины уже офицер военной полиции. Его рокочущий бас был слышен даже на таком расстоянии. Полицейский еще раз взглянул на удостоверение Хансена, а тот, потеряв терпение, сунул его в карман и резко закричал по-английски:

— Что у вас здесь за преисподняя, проклятый дурак!

Хансен так и прокричал: «дамнид фул!» — «проклятый дурак!» Ему самому осталось неясным, дошел ли смысл его слов до сознания этого немца в форме полицейского, но уж тон, во всяком случае, произвел на него впечатление. Полицейский отдал честь Хансену и рукой показал: путь свободен. «Комби» медленно двинулся вперед, к шлагбауму.

Перед шлагбаумом был пост военной полиции. Офицер только что закончил досмотр грузовика и приказал шоферу отъехать, как вдруг увидел приближающегося к нему «комби» Хансена. Лицо офицера под округлым шлемом недовольно скривилось. Он стал посредине проезжей части, широко расставив ноги, и громко крикнул Хансену:

— Стоп!

Хансен понял: пришел момент действовать... Действовать немедленно и решительно! Он сделал вид, будто хочет остановить машину, в то время, как его рука уже нащупывала газовую гранату, Франтишек без колебаний взял вторую.

Машина поравнялась с офицером, и тогда Хансен неожиданно швырнул гранату, швырнул не

под ноги офицеру, так как заметил, что тот безоружен, а прямо в гущу столпившихся перед шлагбаумом немецких полицейских и американских солдат. Франтишек швырнул свою по другую сто-

рону дороги, назад, за машину. С шипением запрыгал черный шар гранаты по шоссе, отмечая свой путь маленькими облачками дыма, вырывающегося через горловину бомбы. Все застыли, уставившись на эти черные шары и все еще не понимая, что они должны означать. Вдруг кто-то крикнул:

— Берегись!..

И вся толпа у шлагбаума рассыпалась в разные стороны. Хансен увидел широко открытые глаза офицера, увидел, как одна его рука машинально нащупывает пистолет, вторая тянется к свистку, и тогда Хансен дал полный газ и бросил

машину вперед, к шлагбауму, где уже раздался взрыв газовой бомбы.

Все продолжалось несколько секунд, но для Хансена и Франтишка это все длилось целую вечность. Столбы газа высоко поднялись над дорогой, заливались свистки полицейских. Прозвучал первый выстрел. Пуля разбила боковое стекло. Второй пробил камеру, и машину сразу качнуло. Хансен вновь дал газ.

— Шлагбаум! — закричал Франтишек.

— Осторожней! — ответил Хансен и наклонился к рулю. Пуля пробила заднее стекло и просвистела у него над ухом.

Франтишек вскрикнул: пуля попала ему в руку. Головой вперед он сполз с сиденья. И в эту же секунду рычаг шлагбаума не выдержал напора тяжелого «комби» и соскользнул в сторону. «Комби» буквально прыгнул вперед, и на мгновение перед Хансеном показалось небо с пятнами облаков и кружащимся среди них вертолетом. Шнур трассирующих пуль протянулся к нему от днища вертолета, и пули защелкали по бетонному покрытию перед машиной.

Перед Хансеном был совершенно открытый участок в пятьсот метров до следующего шлагбаума, уже по ту сторону границы. Проехал ли он его, перелетел ли, как на крыльях? Он не знал, что с той стороны было видно, как «комби», вихляя из стороны в сторону, словно пьяный, медленно приближался к шлагбауму. Он даже не чувствовал, что рука Франтишка все сильнее и сильнее сжимает его бедро. Он только слышал голос Франтишка: «Давай! Давай!»

Перед шлагбаумом он остановился. Он больше ничего не слышал и не видел. Его голова тяжело упала на грудь. Офицер пограничной охраны Германской Демократической Республики подбежал к машине. Медленно поднялся полосатый рычаг шлагбаума. У офицера было юное, встревоженное лицо.

— Вы ранены? — спросил он.

Хансен посмотрел на него, вначале ничего не понимая, потом улыбнулся. Он утомленно снял руку с руля и протянул ее офицеру.

— Я — Лоренц, товарищ Лоренц, — сказал он одностонно. Его голова вновь опустилась, и он закрыл глаза.

СОДЕРЖАНИЕ

На полосе	3
Семеро за сорок дней .	8
Подозрителей каждый	14
Ювелирная работа . .	19
Вначале была игра .	23
Утренняя гимнастика .	31
Капитан из Панков .	33
Антикварный апостол	36
«Выбирают дамы»	44
Ищейки	48
Манфред	52
Человек у стены	59
У парня хорошая хватка . .	64
Кусок мыла .	70
Но кто же второй?	77
Дичь и охотник .	82
Маска	86
«Промывка мозгов»	92
«Штучки» полковника Рокка .	96
«Сдайте оружие!» .	102

Неужели попался?	108
Хансен принимает приглашение	112
И снова Шукк и Адельгейд .	116
«Выходить из игры нельзя, Шукк!»	119
У отметки 55,5 . .	123
Всего лишь маленькая собачка	126
«Итс пэй-дэй...»	141
Тревога	146
Известие	149
Конец недели .	154
Шприц выручил . .	158
Твердые бумаги .	162
«Руки вверх, мистер Хансен!»	165
Положение хуже губернаторского	170
И опять глупая случайность	171
Звонок в главное управление	177
Вертолет .	182
«Действовать! Действовать немедленно!»	184

Петер Випп

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Сокращенный перевод с немецкого А. Полешука. М., «Молодая гвардия», 1965.

192 с., с илл. (Б-ка «Честь, отвага, мужество».) И(Нем.)

Редактор *А. Строев*

Оформление художника *И. Пчелко*

Художественный редактор *Г. Позин*

Технический редактор *В. Савельева*

Подписано к печати 14/V 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 6(8,4). Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 115 000 экз.
Зак. 455. Цена 21 коп. Б. З. № 11, 1965 г., п. 90.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцевская, 21.

БИБЛИОТЕКА

„ЧЕСТЬ, ОТВАГА, МУЖЕСТВО“

**ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

Е. Рябчиков,
Засада на черной тропе.

А. Лукин,
Операция «ДАР».

Г. Самойлов, В. Гирин,
Выстрел в переулке.

Ю. Тарский,
Испытание огнем.

Г. Боровик,
Пылающий остров.

И. Мызгин,
Со взведенным курком.

В. Смирнов, Ю. Попков,
Трое суток рядом со смертью.

В. Микоша,
С киноаппаратом в бою.

**С. Голяков,
В. Понизовский,**
Рихард Зорге.

Д. Морозов,
Бой без выстрелов.

21 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ